

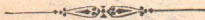
ДИДО.

√

ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

(Изъ замѣтокъ бывшаго сельскаго учителя).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МЕРКУШЕВА. Невскій пр., № 8.

1902.

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я получилъ мѣсто сельскаго учителя въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній. Школа, въ которой мнѣ пришлось заниматься, находилась въ деревушкѣ со смѣшаннымъ населеніемъ (81 дворъ вотскій и 11 русскихъ). Раньше открытія земскаго училища здѣсь была церковно-приходская школа грамоты, изъ которой и скомплектовалось большинство моихъ учениковъ. Нѣкоторые изъ нихъ пробыли въ церковно-приходской школѣ лѣтъ пять, другіе—года два-три. Я постарался сначала узнать, насколько развиты мои ученики. Для этого спросилъ одного: „какъ называется государство, въ которомъ ты живешь?“—„Бѣлое царство“, былъ отвѣтъ. Другой на вопросъ, кто главный начальникъ надъ крестьянами данной волости, отвѣтилъ: „фершалъ“. Читали довольно плохо; по-русски понимали (инородцы) слабо. Но поразило меня не слабое развитіе, а какая-то забитость, какая-то связанность движеній, которая отличала почти всѣхъ моихъ школьниковъ. Они не то боялись, не то стѣснялись меня: въ ихъ движеніяхъ было мало жизни, въ словахъ мало искренности. Неужели между нами установятся натянутыя отношенія?—подумалъ я. Я не зналъ еще, чѣмъ объясняется эта неискренность отношеній. Прошло недѣли двѣ-три—и ученики, къ моему удовольствію, стали нѣсколько живѣе, откры-

веннѣ и разговорчивѣ.—„Вотъ теперь вы со мной говорите, все мнѣ рассказываете: отчего-же прежде я съ трудомъ могъ добиться отъ васъ хотя-бы одного слова?“—спросилъ я ихъ по поводу такой рѣзкой перемены въ ихъ поведеніи. „Мы тебя боялись. Думали, бить будешь. А ты добрый: совсѣмъ не наказываешь. Насъ прежній учитель больно наказывалъ.“—„Какъ-же онъ васъ наказывалъ?“ — „Всяко: на колѣнки ставилъ, безъ обѣда оставлялъ, за уши трепалъ, щелкалъ по лбу. Какъ, бывало, щелкнетъ, такъ ажно подпрыгнешь“. Да, бѣднымъ мальчикамъ досталось-таки. Я собственной шкурой испыталъ всю прелесть наказанія и потому твердо рѣшилъ не употреблять въ своей школѣ никакихъ репрессивныхъ мѣръ. Но ребяташки, несмотря на всю свою любовь къ вамъ, шалить, мѣшаютъ занятіямъ, дерутся,—какъ тутъ быть? Кромѣ того, они сплошь и рядомъ обнаруживаютъ грубость природы,—нужно-же чѣмъ-нибудь дѣйствовать на эту грубость.

Все это встрѣчается въ каждой школѣ, случилось, конечно, и въ моей. Но я зналъ, что во мнѣ и во многихъ моихъ товарищахъ вкоренилось много дурного, потому что ни дома, ни въ школѣ намъ не объясняли—что дурно, что хорошо. Насъ наказывали—и только. Намъ не позволяли даже спрашивать, за что насъ наказываютъ, т. е. попросту лишали права, принадлежащаго самому послѣднему преступнику. „За что,—говорилъ директоръ гимназій, въ которой я учился,—ученикъ не имѣетъ права объ этомъ спрашивать. Учитель знаетъ, за что наказываетъ“. Однако хотя и много дурного видѣрили въ меня мои „воспитатели“, такого отношенія къ чужой личности имъ внушить не удалось. Я уже сказалъ, что рѣшилъ не прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, находя, что въ школѣ онѣ не у мѣста. Я старался разбирать, по возможности, всѣ учениче-

скіе проступки, и одни относилъ къ числу маловажныхъ, считая ихъ естественнымъ проявленіемъ дѣтской природы, на другіе-же обращалъ болѣе или менѣе серьезное вниманіе, прибѣгая во всѣхъ маломальски значительныхъ случаяхъ къ товарищескому суду. Но товарищескій судъ, къ которому обращался я, не представлялъ чего-то организованнаго съ уставомъ и системой наказаній, какъ это было въ одной школѣ. Организациі въ немъ не было никакой, кромѣ развѣ той, что дѣла, послѣ полного ихъ обсужденія, рѣшались простымъ большинствомъ. Наказаніе-же было только одно—порицаніе отъ лица товарищей. Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ практики этого суда, съ характеристикой „обвиняемыхъ“. Изъ школы однимъ изъ учениковъ былъ утащенъ перочинный ножъ. Мальчика, который, какъ потомъ оказалось, унесъ ножъ, звали Александръ Титовъ. Отецъ у него горькій пьяница; служилъ предсѣдателемъ волостного суда, но былъ уволенъ за недобросовѣстность. Матери нѣтъ. Самъ Александръ Титовъ смотритъ волкомъ, изподлобья, голова у него нѣсколько опущена; говоритъ съ учителемъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, часто при этомъ краснѣя. Ко мнѣ перѣшелъ изъ сосѣдней земской школы, откуда былъ исключенъ, какъ неисправимый „воришка“—такую недетскую кличку дали ему прежніе его товарищи. Какъ только рѣчь зашла о пропажѣ, нѣкоторые голоса указали прямо на Александра Титова. „Онъ, онъ укралъ“,—раздались крики. Я строго остановилъ крикуновъ, указавъ на всю неделикатность ихъ отношенія къ товарищу: „Александръ Титовъ или кто другой изъ учениковъ, можетъ быть, взялъ случайно ножъ. Называть-же воромъ мы никого не имѣемъ права, пока такимъ его не объявитъ судъ, который судитъ взрослыхъ людей. Въ школѣ-же дѣти учатся, а не судятся. Слово „воръ“—не

хорошее слово. Въ школѣ учать хорошему, и слово „воръ“ въ школѣ не должно произноситься. *Въ школѣ воровъ нѣтъ*“. Послѣ этого слова „воръ“, „укралъ“, наряду съ прочими неделикатными выраженіями, были изгнаны изъ лексикона моихъ учениковъ и замѣнены словами: „случайно взявшій“, „унесъ по ошибкѣ“ и т. п. Скептику все это можетъ показаться наивнымъ. Я самъ далеко не оптимистъ, однако, долженъ сознаться, что съ такими выраженіями стало жить легче. Я, на основаніи болѣе или менѣе вѣскихъ данныхъ, былъ склоненъ думать, что ножъ взялъ Александръ Титовъ, но я не хотѣлъ смущать его подозрѣніемъ. Кромѣ того, я не могъ все-таки утверждать, что именно онъ виновникъ пропажи ножа, а не кто другой. Было произведено тщательное слѣдствіе. Подозрѣніе пало на четырехъ учениковъ, у которыхъ въ рукахъ находился ножъ передъ его исчезновеніемъ. „Тотъ изъ васъ, кто взялъ ножъ, долженъ возвратить его,—обратился я къ этимъ четверемъ, называя каждаго по имени, причемъ имя Титова упомянулъ послѣднимъ,—долженъ возвратить потому, что иначе заставитъ насъ думать дурно о трехъ неповинныхъ товарищахъ. Тотъ-же, кто заставляетъ другихъ дурно думать о своихъ близкихъ, доставляетъ имъ непріятность. А кто доставляетъ непріятность другимъ, тотъ нехорошій человѣкъ“. Затѣмъ квалификація проступка была передана на обсужденіе класса. Ученики, изъ которыхъ нѣкоторые проявили самостоятельность сужденія, рассматривая фактъ со стороны его возможныхъ послѣдствій, назвали поступокъ утачившаго ножъ и не возвращающаго его нехорошимъ поступкомъ и выразили надежду, что ножъ будетъ возвращенъ. Представьте нашу общую радость, когда, дня черезъ два-три, Александръ Титовъ принесъ ножъ, правда, не казенный, а свой. Казенный ножъ, какъ удостовѣ-

рилъ онъ самъ и его товарищи, былъ отбитъ у него однимъ изъ игравшихъ съ нимъ деревенскихъ мальчиковъ (не школьниковъ). Я взялъ его ножъ, предварительно провѣривъ, что это его собственный, а не похищенный у кого-нибудь. Взялъ я его подъ залогъ, обѣщая возвратить, когда онъ принесетъ школьный ножъ. Онъ не протестовалъ. Товарищи на перебой старались объяснить мнѣ, какъ случилась пропажа, тщательно избѣгая словъ „воръ“, „укралъ“ и любовно относясь къ Александру Титову. Послѣднее понятно, потому что я, въ отсутствіе Александра Титова, неоднократно говорилъ имъ о томъ, какъ плохо живется дѣтямъ, у которыхъ нѣтъ матери, а отецъ дурной человѣкъ. Я говорилъ имъ, что такіе люди заслуживаютъ нашей любви и снисхожденія больше тѣхъ, которые живутъ счастливо, и чуткія дѣтскія сердца воспринимали мои слова, и они глубоко внѣдрялись въ ихъ души. Александръ Титовъ больше ничего уже не уносилъ изъ школы и вообще обнаруживалъ стремленіе исправиться.

Признаться, я не безъ удовольствія говорилъ объ этомъ мальчикѣ съ учителемъ сосѣдней школы, откуда Александръ Титовъ былъ изгнанъ, какъ „неисправимый воришка“. Другой примѣръ. Теперь передъ нами Яковъ Стѣпановъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, по успѣхамъ заслужившій, однако, право на мѣсто только въ младшемъ отдѣленіи. Съ сильными мышцами, маленькой головой, узкимъ и низкимъ лбомъ, мутными глазами, онъ, подобно Александру Титову, не любитъ говорить съ учителемъ, и если тотъ (т. е. Александръ Титовъ) отдѣлывается короткими фразами, то этотъ при разговорѣ,—особенно для него непріятномъ,—только мычитъ, обнаруживая какую-то вялость. За спиной не прочь употребить какое-нибудь циническое словцо. Матери нѣтъ. Отецъ что-то въ родѣ бродяги: былъ въ Са-

марской губерніи, куда таскалъ съ собой и сына. Земледѣліемъ отецъ Якова Степанова уже не занимался. Яковъ Степановъ нерѣдко билъ своихъ товарищей. О немъ также велись бесѣды въ классѣ въ его отсутствіи. Ученики проникались сожалѣніемъ къ нему и желаніемъ помочь его исправленію. Выведенные изъ терпѣнія товарищи, его одноклассники, которыхъ онъ билъ, когда они вмѣстѣ возвращались въ свою деревню (за версту отъ школы), пожаловались на него. Онъ упорно отрицалъ вину, обвиняя въ свою очередь жалобщиковъ, что они его обижаютъ и ему отъ нихъ нерѣдко достается. Въ подтвержденіе своей правоты Яковъ Степановъ ссылался на отсутствовавшего Павла Мельникова, который также ходилъ вмѣстѣ съ ними. Разборъ дѣла отложили до прибытія Павла Мельникова. Этотъ послѣдній подтвердилъ справедливость жалобы товарищей. Школьный судъ выразилъ порицаніе Якову Степанову за дурное обращеніе его съ товарищами и за неправильное обвиненіе ихъ во лжи. Кромѣ того, судъ пожелалъ Якову Степанову исправиться, обѣщая ему свое содѣйствіе въ этомъ. Нѣкоторое время доходили еще жалобы на этого ученика, но черезъ мѣсяць—другой—Яковъ Степановъ, по общему отзыву, сталъ лучше. Но оставимъ этихъ бѣдныхъ мальчиковъ, перейдемъ къ менѣе грустному случаю. Какъ-то разъ, въ мое отсутствіе, у одного изъ учениковъ, голубоглазаго, съ хорошимъ открытымъ лицомъ мальчика, Тимоѣя Зотина, нѣсколько школьниковъ сильно поколотили лошадь. Тимоѣей Зотинъ со слезами на глазахъ принесъ мнѣ жалобу на жестокосердыхъ товарищей. Эти, въ свою очередь, обвиняли его въ грубой расправѣ съ ними. Тщательно были собраны и взвѣшены обстоятельства обоихъ „инкриминируемыхъ дѣяній“, принесены были орудія проступка, двухъ-аршинная слега и метла, которыми били ло-

шадь. Непричастные дѣлу товарищи составили судъ. Разбирая поступокъ, которому я, по обыкновенію, далъ общую характеристику, они нашли его жестокимъ, причемъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, ставились на видъ возможныя послѣдствія. „Обвиняемымъ“ высказано было порицаніе и пожеланіе исправиться. Потомъ мѣсто „обвиняемыхъ“ занялъ самъ „обвинитель“ Тимоѣей Зотинъ, поступокъ котораго—расправа съ товарищами—не былъ одобренъ судомъ. Судъ рѣшилъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимо обращаться съ жалобой къ учителю, а не прибѣгать къ кулакамъ. Рѣшеніемъ товарищей „обвиняемые“ остались довольны. Начался урокъ. Гляжу, Тимоѣей Зотинъ заливается горячими слезами. — „Что съ тобой, Тимоѣей? Скажи. Можетъ быть, недоволенъ рѣшеніемъ товарищей. Такъ скажи, какъ было дѣло, и мы послѣ уроковъ разберемъ его снова, — обратился я къ нему“. — „Нѣтъ,—рыдая отвѣтилъ мальчикъ,—рѣшеніемъ доволенъ; рѣшили они правильно... А вотъ кобылу жалко: они ее били“. Не стыжусь сознаться, что у меня у самого навернулись на глаза слезы, когда я представилъ себѣ всю необъятность дѣтскаго горя: мнѣ самому стало жаль кобылу, которую порядкомъ-таки поколотили. Кое-какъ я утѣшилъ мягкосердечнаго мальчика, поручившись, что ничего подобнаго впередъ не случится. Нужно замѣтить, что я не припомню случая, чтобы кто-нибудь оставался недоволенъ рѣшеніемъ товарищей—этой формой коллективной совѣсти. А вотъ когда я выступалъ единоличнымъ судьей, то иногда приходилось выслушивать замѣчанія учениковъ: „Это не такъ! Это неправда“,—такъ что я, благодаря этому, почаще прибѣгалъ къ товарищескому суду, котораго нѣкоторые ученики боялись такъ, что приходилось иногда употреблять силу, чтобы представить ихъ на судъ.

У меня былъ такой шалунъ, который боялся суда да отца.

Судъ вліялъ на школьниковъ не наказаніями, которыя не практиковались, а только нравственною стороною. Ученикъ, послѣ товарищескаго рѣшенія, старался исправиться уже потому, что въ противномъ случаѣ о немъ составилось-бы дурное мнѣніе у товарищей. Кромѣ того, товарищи, приученные къ деликатному обращенію со школьными „преступниками“, способствовали ихъ нравственному возрожденію, слѣдя за ними, но не ябедничая на нихъ (доносы строжайше воспрещались; доносчики также подвергались товарищескому суду). Такая постановка дѣла способствовала развитію личности и воспитывала въ этой личности уваженіе къ человѣческому достоинству. Судъ-же въ значительной степени помогъ мнѣ искоренить лгуновъ. Часто, являясь въ качествѣ свидѣтеля, школьникъ боялся лгать, потому что тутъ-же могъ-бы быть изобличенъ во лжи товарищами. Главное-же, что особенно меня радовало и что достигалось судомъ, это то, что ученики быстро усвоивали разницу между добромъ и зломъ, между дозволеннымъ и нетерпимымъ; и такъ какъ въ человѣкѣ легче развить хорошее, чѣмъ дурное, и для укорененія злыхъ наклонностей требуются исключительныя, нечеловѣческія отношенія, то ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что ученики, когда между нами устанавливались простыя, человѣческія отношенія, становились лучше. Александръ Титовъ и Яковъ Степановъ—живыя доказательства такого вліянія гуманнаго обращенія съ людьми. Я уже говорилъ о томъ, что, благодаря отчасти суду, у меня меньше стало лгуновъ.

Ложь преслѣдовалась наряду съ прочими проступками. Ученикамъ внушалось, что они должны говорить только правду, ничего, кромѣ правды. И

въ этомъ отношеніи мнѣ удалось достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ: слабыхъ учениковъ укрѣпить, а болѣе или менѣе стойкихъ закалить. Работа довольно трудная, тѣмъ болѣе, что въ крестьянской средѣ ребенокъ, изъ боязни отцовскихъ колотушекъ, начинаетъ лгать съ малыхъ лѣтъ. Тѣ-же простыя *человѣческія* отношенія, которыя способствовали исправленію Александра Титова и Якова Степанова, придали стойкость правдивому и честному Степану Титову,—этому плотному мальчугану съ крупными чертами лица благороднаго труженика, не отличавшемуся особенно блестящими способностями, за-то исполнявшему всякую работу добросовѣстно и аккуратно. Этотъ мальчикъ былъ настолько правдивъ, что всегда боялся лгать. Вотъ случай, характеризующій этого ученика. Какъ-то меня выругалъ крестьянинъ въ присутствіи двухъ моихъ школьниковъ, которыхъ я послалъ къ нему узнать, почему не явился его сынъ въ школу. Возвратившіеся посланцы не преминули сообщить мнѣ отзывъ отца. Не желая ронять своего авторитета въ глазахъ учениковъ, я вызвалъ въ свою квартиру этого крестьянина, предварительно пригласивъ въ ту-же комнату одного изъ учениковъ, сообщившихъ мнѣ неприятную вѣсть. Я думалъ, что оставленный мною мальчикъ подтвердитъ то, что говорилъ передъ товарищами, если-бы выругавшій меня отецъ неявившагося ученика вздумалъ отпираться отъ своихъ словъ (что и случилось въ дѣйствительности). Но мальчуганъ, дальній родственникъ этого мужика (фактъ, который я упустилъ изъ виду), очутившись съ нимъ лицомъ къ лицу, сталъ отпѣкиваться. Тогда я позвалъ Степана Титова и попросилъ его повторить то, что посланцы сообщили всему классу, т.е. отзывъ обо мнѣ мужика. Степанъ Титовъ смѣло, но безъ малѣйшей дерзости, слово въ слово повторилъ то, что слышалъ.

Мужику стало неприятно. Онъ пересталъ отпираться и со словами „здѣсь не присутствіе“ покинулъ школу. Тотъ, кто знакомъ съ деревенской жизнью, пойметъ, что Степанъ Титовъ совершилъ нѣчто трудное для крестьянскаго мальчика. Онъ, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, могъ ожидать за правду колотушекъ отъ уличеннаго имъ мужика; но онъ не побоялся этого, не принялъ во вниманіе этихъ неприятныхъ послѣдствій и не измѣнилъ ни своей честной натурѣ, ни тѣмъ внушеніямъ, которыя слышалъ въ школѣ. Словомъ, благодаря правдивымъ, человѣческимъ отношеніямъ со стороны учителя, благодаря товарищескому осужденію порочныхъ, мои ученики изъ забытыхъ, ничѣмъ не интересующихся и всего боящихся мальчугановъ мало-по-малу стали превращаться въ хорошихъ, искреннихъ, живыхъ дѣтей, которыя, не чуя надъ собой наказанія, этого Дамоклова меча „педагогика“, начали лучше относиться къ занятіямъ. У меня были шалуны, разсѣянные, вялые, но это были или малолѣтки, или больныя натуры, которыя, къ сожалѣнію, не могли пользоваться систематическимъ леченіемъ. Воля учениковъ не насилывалась въ отношеніи занятій. Выборъ урока представлялся большинству отдѣленія — и урокъ исполнялся аккуратно. Вслѣдствіе того, что школьникамъ было дано полное право выходить изъ класса во время урока, когда было нужно (право, которымъ не злоупотребляли), воздухъ небольшой классной комнаты не портился такъ сильно, и ученики стали различать разницу между хорошимъ и отравленнымъ воздухомъ. Случалось, что кто-нибудь портилъ воздухъ: ученики, зажимали носы и уходили изъ избы, оставивъ ее съ открытой дверью, чтобы провѣтрилась. Простыя, человѣческія отношенія къ ученикамъ такъ привязали ихъ ко мнѣ, что они и по окончаніи курса не прерывали связи со мной и

школой и регулярно ходили на занятія, помогая нерѣдко въ работѣ мнѣ. Когда что-нибудь задерживало меня въ селѣ, куда я ѣздилъ каждое воскресенье, и я въ понедѣльникъ опаздывалъ на занятія, я былъ увѣренъ, что, пріѣхавъ въ свою деревню, застаю ребятъ за уроками, которыми руководили въ такихъ случаяхъ „кончившіе курсъ“. Я также провѣрилъ, что школьники мои раньше времени не пойдутъ обѣдать и не закончатъ занятій. „Что, пора обѣдать?“—спрашивалъ я иногда ихъ, особенно когда часы у меня стояли. Какой-нибудь голосъ одиноко раздаётся: „пора, хочу“, но большинство, если еще рано, запротестуетъ. Но когда наступало время, я самъ старался отпустить учениковъ поскорѣе, потому что они становились разсѣянными. Я неоднократно провѣрялъ „чувствительность желудковъ“ моихъ школьниковъ ко времени. И что-же? Почти всегда къ *двѣнадцати* часамъ они начинали кричать: „ѣсть хотимъ“, хотя карманныхъ часовъ я имъ не показывалъ, а ближайшіе стѣнные часы находились за полверсты. Точно также ни за что не уходили изъ школы, когда имъ не хотѣлось, и просиживали иногда и до четырехъ часовъ, отпустивъ меня погулять. Работы, исполненныя ими въ это время, показывали, что они занимались дѣломъ. Если во время урока я замѣчалъ, что ученикамъ становится скучно, то умѣстной шуткой, какимъ-нибудь маленькимъ веселымъ рассказомъ изъ повседневной жизни я встряхивалъ ихъ, и трудъ послѣ этого дѣлался интенсивнѣе. Нерѣдко съ той-же цѣлью я заставлялъ ихъ пѣть.

Приходилось наблюдать моихъ учениковъ и во время ревизій: ревизовали мою школу инспекторъ и предсѣдатель земской управы. Инспекторская ревизія произведена была поздно вечеромъ (въ 8 ч. зимою), что, по моему, неправильно. Въ это время

крестьяне уже готовятся ко сну, и ихъ дѣтямъ не до книжекъ. Инспекторъ во время провѣрки моихъ занятій сталъ нѣсколько въ начальническое отношеніе ко мнѣ, и это не замедлило отразиться на моихъ ученикахъ: они измѣнились и въ нѣсколько минутъ превратились въ тѣхъ запуганныхъ, забитыхъ мальчиковъ, какими я ихъ засталъ въ началѣ моей дѣятельности. Мнѣ пришлось поправлять промахъ моего начальника, который заносилъ что-то въ книжечку (и это испугало учениковъ). Я, съ разрѣшенія инспектора, проэкзаменовалъ своихъ питомцевъ лично и получилъ довольно хорошіе отвѣты, предлагая тѣ-же вопросы, что и инспекторъ, которому они отвѣчали плохо. Вотъ что значитъ внушить страхъ! За то, когда пріѣзжалъ предсѣдатель управы, который старался быть незамѣтнымъ для учениковъ, моя школа рекомендовала себя хорошо. Этотъ предсѣдатель понималъ школьное дѣло и зналъ основныя требованія педагогики.

Но если ученики меня любили, то нельзя сказать того еще объ ихъ родителяхъ, которые первое время относились ко мнѣ не особенно дружелюбно. Я уже говорилъ, что въ моей школѣ преобладалъ инородческій элементъ. Вотъ родители-то этихъ инородцевъ—вотяки, изъ которыхъ нѣкоторые не вполнѣ еще отрѣшились отъ своихъ языческихъ вѣрованій, и почувствовали ко мнѣ неприязнь.

Какъ-то разъ, мѣсяца черезъ два по прибытіи своемъ въ деревню, я съ пятью учениками возвращался съ вотскаго мольбища. Мои спутники весело болтали и рассказывали мнѣ о вотскихъ обычаяхъ (четверо было вотяковъ и одинъ русскій). Вдругъ среди этой болтовни одинъ изъ учениковъ тревожно заявляетъ мнѣ: „А знаешь, К. Д., вотяки тебя бить хотять“.—„За что?“ спрашиваю.—„А почто русскому языку учишь: они говорятъ, что ты жидъ, потому

что не учишь по вотски“.—„Ну, вы-то имъ говорили, что я не жидъ; вѣдь вы меня больше знаете.—„Говорили,—отвѣтили ученики въ одинъ голосъ,—да они насъ не слушаютъ“.—„Ну, хорошо. Что-жъ если они въ самомъ дѣлѣ меня бить стануть, вы за меня заступитесь“.—„Заступимся, конечно, заступимся“. У вотяковъ дѣйствительно было принято что-то противъ меня, но я постарался поближе съ ними сойтись, и они стали относиться ко мнѣ дружелюбно. Собирались эти вотяки и принести меня въ жертву Иньмару (богу), „молить“, какъ они говорятъ. „Наша молитъ тебя окота“,—обращались они ко мнѣ.—„Подождите,—уговаривалъ ихъ я,—вотъ немножко отѣмся; а то ужъ больно я тощій; сами видите. Иньмаръ будетъ недоволенъ“.—„Шутникъ какой, г. учитель“,—смѣялись вотяки. Конечно, это была шутка, и въ жертву людей вотяки не приносятъ, такъ какъ они христіане, и многіе изъ нихъ гораздо набожнѣе русскихъ. Вамъ извѣстно, конечно, читатель, что эту шутку нѣкоторые солидные люди приняли въ серьезъ и обвиняютъ цѣлое племя въ каннибализмъ. Этой-же шуткой пользовался одинъ изъ инспекторовъ, когда не хотѣлъ принять того или другого кандидата на учительское мѣсто, а достаточныхъ основаній для отказа не имѣлъ. Онъ предлагалъ такому кандидату мѣсто въ вотскомъ селеніи и рассказывалъ всякіе ужасы про вотяковъ. Если попадался челоѣкъ не робкаго десятка, то, выслушавъ всѣ розказни, которыя по провѣркѣ оказывались „мыльными пузырями“, бралъ все-таки мѣсто. Люди же съ слабыми нервами спѣшили поскорѣе отказаться и уѣхать изъ ужаснаго края. Благодаря такому приему, школы иногда лишались хорошихъ учителей, которые даже не дѣлали попытки провѣрить эти слухи, эти рассказы про вотяковъ, и уносили ихъ съ собой, какъ непреложную истину... Главное-же обвиненіе,

которое выставляли противъ меня, какъ учителя, вотяки, было то, что я беру ихъ подати, которыя, какъ имъ казалось, уходили большей частью на учителя и школу. И вотъ поэтому они нерѣдко говорили, что школу надо закрыть: безъ школы легче будетъ житься, меньше придется платить податей. Старики, приверженцы дѣдовскихъ преданій, больше всѣхъ не терпѣли школу и учителя, такъ какъ видѣли, что внуки ихъ, побывавъ въ училищѣ, начинали отвыкать отъ многихъ суевѣрныхъ завѣтовъ сѣдой старины. Но такихъ „фанатиковъ“ было немного. Большинство-же вотяковъ стали просить меня, чтобы я училъ ихъ ребятъ русскому языку. „Русской дѣлай моего парня. Ты его знаешь (такой-то)“,—обращались нерѣдко ко мнѣ отцы учениковъ. Въ этихъ словахъ „русской дѣлай“ такъ много смысла и выражена такая потребность обрусѣть, безъ чего для вотяка нѣтъ спасенія (это онъ инстинктивно, если не сознательно, чувствуетъ), что я прилагалъ все усилія, чтобы поскорѣе русифицировать моихъ питомцевъ, и въ тотъ незначительный промежутокъ времени, который я пробылъ въ школѣ, мнѣ удалось достигнуть болѣе или менѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Ученики стали лучше понимать русскую рѣчь и правильно выражаться по-русски. Тотъ мальчикъ, который раньше жилъ въ „Бѣломъ царствѣ“, сталъ жить въ Россійской Имперіи и писать болѣе или менѣе связныя изложенія по исторіи, географіи и естествознанію. Нужно замѣтить, что эти результаты достигнуты при очень слабомъ знаніи мною вотскаго языка. Я убѣжденъ, что успѣшность занятій обусловлена, съ одной стороны, свободой, которой пользовались ученики, а съ другой—страстнымъ желаніемъ вотяковъ обрусѣть. Вообще этотъ народецъ, не отличаясь особыми умственными способностями (въ этомъ отношеніи русскіе выше вотяковъ), обнаруживаетъ замѣ-

чательную настойчивость и способность къ коллективной работѣ (чего русскіе почти лишены). Благодаря этому, я могъ заниматься съ 17-ю учениками (16 вотяковъ) младшаго отдѣленія, какъ съ однимъ человѣкомъ, разумѣется, по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ нихъ меньше шалуновъ и они менѣе грубы, чѣмъ русскіе, хотя болѣе нечистоплотны. Нечистоплотность содѣйствуетъ распространенію среди вотяковъ чесотки (scabies), болѣзни, развивающей разсѣянность, и глазныхъ болѣзней. Среди вотяковъ много страдающихъ трахомой и конъюнктивитомъ. Вообще въ больныхъ у меня не было недостатка (да едва-ли въ какой школѣ наберется много здоровыхъ учениковъ): коклюшъ, головная боль, бронхитъ, катарръ желудка, сердцебіеніе—вотъ неполный перечень болѣзней, посѣщавшихъ мою школу. Я не говорю уже о томъ, что на почвѣ нѣкоторыхъ болѣзней, главнымъ образомъ малокровія, у многихъ учениковъ развивалось нервное расстройство. Все это еще сильнѣе заставляло меня крѣпко держаться того свободнаго режима, о которомъ я говорилъ выше. Опытъ показалъ, что и такая, сравнительно легко излѣчимая болѣзнь, какъ чесотка, дурно дѣйствуетъ на волю ученика: онъ не можетъ сосредоточиться, потому что зудни постоянно отвлекаютъ его мысль. Къ сожалѣнію, моей школы ни разу не посѣтилъ врачъ. Разъ случайно была фельдшерница; осмотрѣвъ больныхъ (а ихъ оказалось по меньшей мѣрѣ $\frac{3}{4}$ класса), она прописала лекарства. Но послѣ нея ко мнѣ уже никто изъ медицинскаго персонала не заглядывалъ. А заглянуть не мѣшало-бы! Вотяки вообще живутъ очень грязно и мнѣ съ трудомъ удалось приучить моихъ учениковъ къ чистоплотности, при чемъ я имъ совѣтовалъ оказывать воздѣйствіе и на своихъ родителей. Нѣкоторые отцы семейства поддавались этому воздѣйствію и начинали держать свои избы въ большей опрятности.

Вообще, по моему, у вотяковъ въ семьяхъ больше ладу и родители менѣе деспотичны, чѣмъ у русскихъ, почему охотнѣе выслушиваютъ совѣты своихъ дѣтей. Помимо нечистоплотности, мнѣ пришлось считаться и съ суевѣрїями вотяковъ. Эти суевѣрїя, наполняя душу всякими ужасами, мѣшаютъ правильному развитію ребенка. Вотякъ не отрѣшился еще отъ фетишизма. У него больше, чѣмъ у русскаго, пережитковъ былыхъ обычаевъ и стараго языческаго культа, и пережитки эти сильнѣе дѣйствуютъ на его воображеніе. Своихъ домовыхъ, лѣшихъ и банныхъ „людей“ вотякъ боится больше, чѣмъ русскій. Чтобы искоренить этихъ пугаль изъ головъ моихъ учениковъ, я ходилъ съ ними ночью по банямъ, бралъ ихъ съ собою въ село, куда приходилось ѣхать лѣсомъ и куда я обыкновенно ѣздилъ вечеромъ. Сначала они боялись войти со мною въ баню или-же отправиться въ село, но потомъ мало-по-малу привыкли и стали подсмѣиваться надъ лѣшими и домовыми... Года за два моей учительской дѣятельности мнѣ удалось научить нѣсколькихъ учениковъ критически относиться къ дѣйствительности, такъ что отъ одного изъ нихъ я, къ удовольствію, услышалъ такое замѣчаніе насчетъ невѣжества крестьянъ, — замѣчаніе, высказанное не безъ сожалѣнія: „Что наши мужики? неграмотные! Если-бы они были грамотные и побольше хорошихъ книжекъ читали, то и жить стали-бы лучше“. Этотъ мальчикъ-вотякъ уже не вѣрилъ ни въ домовыхъ, ни въ лѣшихъ, интересовался книгой, понималъ и запоминалъ прочитанное.

II.

Къ вамъ мое слово, великіе труженики земли русской, учительницы и учителя. Наблюдайте вашихъ учениковъ, слѣдите за развитіемъ ихъ харак-

теровъ, не упуская изъ виду и важнѣйшаго фактора, дающаго тонъ нравственному поведенію, — среды. Поставьте вашу школу такъ, чтобы она побуждала вліяніе дурной семьи. Воспитателю нужно обращать побольше вниманія на семью, такъ какъ его питомецъ принадлежитъ главнымъ образомъ этой общественной группѣ. Но не забывайте и улицы, которыя въ деревняхъ (я обращаюсь къ народнымъ учителямъ) нерѣдко парализуетъ вліяніе хорошей семьи. Научайте вашихъ учениковъ и среду, въ которой они вращаются, возможно тщательнѣе и не скрывайте результатовъ вашей работы. Публикуйте, печатайте эти результаты. И наука, и общество будутъ вамъ благодарны. Первую вы обогатите матеріаломъ, который, быть можетъ, дастъ возможность освѣтить многіе соціологическіе вопросы, второе иначе отнесется ко многимъ темнымъ сторонамъ своей жизни. И кто знаетъ, можетъ быть, соединенными силами удастся доказать, что неисправимыхъ характеровъ нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и неисправимыхъ преступниковъ. Что касается меня, то хотя я и свято вѣрую въ „человѣчество“ каждаго человѣка и его исправимость, но краткость моей педагогической дѣятельности не дала возможности болѣе или менѣе полно провѣрить торжество этой вѣры. Однако подѣлюсь и тѣмъ, что мнѣ удалось наблюсти. Начну съ того, что подъ вліяніемъ школы измѣняется физическій типъ, то есть то, о чемъ такъ много говоритъ антропология. Если читатель помнитъ, я былъ учителемъ въ вотской деревушкѣ. Значитъ, объектомъ моихъ наблюденій былъ главнымъ образомъ некультурный народецъ, до сихъ поръ живущій по завѣтамъ старины, отличающійся отъ своего русскаго сожителя и правами, и физиономіей. Физиономія всякаго дикаря носитъ печать чего-то звѣринаго. Это сходство со звѣремъ усиливается иногда лохматыми

шапками и шкурами, служащими одеждой. Но изображенія, помѣщаемыя въ сочиненіяхъ по этнографіи и исторіи культуры, не даютъ полного представленія о фізіономіи того или другого народа. Въ этихъ изображеніяхъ недостаетъ экспрессіи, выразительности портретовъ талантливыхъ художниковъ, не говоря уже о гениальнѣйшей художницѣ—природѣ. Въ дѣйствительности въ дикарѣ больше звѣринаго, нежели на рисункѣ, по которому мы судимъ о немъ. По крайней мѣрѣ, о вотякахъ я это могу сказать съ увѣренностью. Рисунокъ не передаетъ выраженія глазъ, а въ глазахъ-то и заключается смыслъ лица. И глаза вотяка свѣтятъ блескомъ глазъ звѣря не только кровожаднаго и хищнаго, но и добродушнаго и пугливаго. Послѣднее выраженіе глазъ преобладаетъ, что, вѣроятно, и послужило поводомъ для русскихъ назвать вотяковъ „мышами“. И правда, мыши: низенькіе, въ сѣрыхъ зипунахъ, съ пугливыми глазами. Дѣти, разумѣется, похожи на родителей. Но школа измѣняетъ это выраженіе звѣрка, придавая вотяку болѣе осмысленный видъ, такъ что вотякъ, проучившійся нѣсколько лѣтъ, болѣе напоминаетъ русскаго, нежели своего единокровца. Я зналъ одного вотяка-учителя, кончившаго курсъ въ центральной инородческой школѣ въ Казани, котораго культурная среда передѣлала на свой образецъ. Онъ мало походилъ на вотяка: любилъ русское общество, читалъ русскихъ классиковъ, недурно говорилъ по-русски и былъ чистошлотенъ. Но и начальная школа оказываетъ свое вліяніе на измѣненіе типа. Мнѣ знакомъ волостной судья-вотякъ, питомецъ земской школы, хорошо говорящій по-русски, женатый на русской и настолько непохожій на вотяка, что я не повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что это чистокровный вотякъ.

Только внимательно разсмотрѣвъ черты его лица,

я убѣдился въ принадлежности его къ „мышамъ“. Чистошлотность его настолько меня поразила (въ Вятской губ., гдѣ я учительствовалъ, не только вотяки, но и русскіе не могутъ похвастаться этимъ качествомъ), что я не преминулъ поставить его въ примѣръ русскимъ. Эти два человѣка — результаты болѣе или менѣе сложныхъ причинъ (вращанія въ культурной средѣ, брака на русской). Но я стараюсь доказать, что и одна школа видоизмѣняетъ фізіономію. У меня въ школѣ былъ вотячокъ съ пугливымъ выраженіемъ ручной бѣлки, которая, при неумѣломъ обращеніи съ ней, того и гляди, укуситъ. Когда его привели въ школу, я такъ былъ пораженъ сходствомъ выраженія его большихъ карихъ глазъ съ выраженіемъ хорошенькаго звѣрка, что позвалъ своего брата. „Посмотри, какой звѣрекъ пришелъ учиться“, сказалъ я ему, указывая на вновь прибывшаго. „Да, правда, онъ похожъ на звѣрка“,—подтвердилъ братъ. Мѣсяцевъ черезъ пять-шесть пугливая бѣлочка, по имени Николай Макаровъ, приобрѣла уже болѣе человѣческой видъ. Блуждающій огонекъ исчезъ изъ его красивыхъ глазокъ и замѣнился болѣе осмысленнымъ блескомъ. Онъ нѣсколько похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Съ физическимъ измѣненіемъ соединились и перемѣны въ характерѣ: онъ сталъ менѣе пугливымъ, болѣе разговорчивымъ и веселымъ. Судя по началу, онъ долженъ сильно отклониться отъ вотяцкаго типа. И онъ не единственный примѣръ. Мнѣ приходилось сравнивать находившихся въ школѣ болѣе или менѣе продолжительное время вотяковъ съ ихъ родителями, и сходство обнаруживалось не особенно значительное. Очевидно, школа измѣняетъ типъ. Поддается измѣненію подъ вліяніемъ школы и фізіономія ученика съ подавленнымъ душевнымъ состояніемъ. Такъ, Александръ Титовъ, о которомъ я говорилъ раньше, находившійся подъ

вляніемъ дурной семейной обстановки, благодаря школѣ, сталъ прямѣе держать голову, понемногу утрачивалъ привычку смотрѣть изъ-подлобья, сдѣлался болѣе разговорчивымъ и откровеннымъ.

По утверженію Ломброзо, у многихъ преступниковъ извращены органы чувствъ, и въ томъ числѣ обоняніе. У большинства вотяковъ также ослаблено обоняніе. Они совершенно не чувствуютъ дурного запаха. Жизнь среди ягнятъ и телятъ приучила ихъ къ грязи и вони. Однако, когда моя школа стала правильно провѣтриваться, когда, для избѣжанія порчи воздуха, ученикамъ былъ разрѣшенъ свободный выходъ изъ класса, они научились понимать разницу между чистымъ воздухомъ и зловоніемъ. Значить, органы обонянія ихъ стали дѣйствовать правильнѣе. Вѣроятно, улучшилось и душевное настроеніе. Права антропологическая школа, подтвердившая эмпирически связь между тѣломъ и душой, — связь, такъ хорошо выраженную въ латинскомъ изреченіи „mens sana in corpore sano“ — „здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Отсюда можно иногда заключать и къ противоположному: больной умъ въ больномъ тѣлѣ. Слѣдовательно, вылечивъ тѣло, вылечите умъ, и обратно. Сумѣйте поставить въ благопріятныя условія умъ и тѣло, и тогда душевныя и тѣлесныя аномаліи, если не исчезнутъ совсѣмъ, то въ значительной степени ослабнутъ. Побѣдите при помощи школы среду, и вы убѣдитесь, что неисправимыхъ людей нѣтъ. Въ селѣ, гдѣ учитель нерѣдко является какъ бы оракуломъ не только для школьниковъ, но и для крестьянъ, его авторитетъ очень великъ. Если учитель настойчиво и разумно преслѣдуетъ цѣль воспитанія, онъ всегда можетъ внушить хорошія мысли своимъ питомцамъ. Эти мысли будутъ господствовать надъ всѣми другими побужденіями, приходящими извнѣ. Внушенныя учителемъ правила, если

дѣйствіе ихъ сильнѣе вліянія среды, искореняютъ дурныя наклонности, выѣдренныя семей и улицей, и сами перейдутъ въ область навыковъ. Тогда учитель достигъ своего. Вѣдь всякій по опыту знаетъ, что его нравственный обликъ слагается подъ дѣйствіемъ семьи, школы и общества, при чемъ школа нерѣдко владѣетъ такою неизгладимую печать, что по поведенію можно узнать, у кого воспитывался тотъ или другой человекъ. Даже писатель проигрываетъ передъ хорошимъ учителемъ, потому что намъ часто неавѣстна его жизнь, узнавъ о которой, многіе изъ насъ нерѣдко охладѣваютъ къ прежде чтимому писателю, или-же, напротивъ, еще болѣе привязываются. Поведеніе-же учителя всегда передъ зоркимъ глазомъ ученика, и если оно безупречно, то за хорошее вліяніе школы можно поручиться. Хорошій учитель въ самомъ себѣ носитъ все, что необходимо для перевоспитанія, возрожденія ученика. Насколько великъ авторитетъ учителя въ глазахъ ученика, можно видѣть хотя-бы изъ такихъ случаевъ въ моей практикѣ. Какъ-то одинъ ученикъ задаетъ мнѣ вопросъ: „правда, Д. К., что русскіе отличаются смѣтливостью и смѣлостью? (вычиталъ у Пуцъковича).—А ты какъ думаешь? — Я думаю, что это вѣрно. — Совершенно вѣрно. Зачѣмъ-же ты меня спрашивалъ? — А я не *попырилъ себя*, и спросилъ *тебя*. Ну, а теперь, когда ты сказалъ, я знаю, что это вѣрно“. Далѣе. Я запретилъ доносы. Иногда кто-нибудь изъ учениковъ нарушалъ это запрещеніе. Почти всегда противъ доносчика поднимались товарищи со словами: „а учитель что сказалъ?“ И этого было достаточно, чтобы остановить нарушителя запрещенія.

Учитель долженъ обращать вниманіе на индивидуальность, долженъ знать характеръ каждаго ученика въ отдѣльности и умѣть воздѣйствовать на этотъ характеръ. Но одного этого мало. Если онъ от-

дается исключительно изучению индивидуумовъ, то можетъ легко очутиться въ положеніи тѣхъ, которые „изъ-за деревьевъ лѣсу не видятъ“. Главная его задача—создать *школу*, гдѣ-бы каждый и всѣ были проникнуты одной общей идеей истины, однимъ общимъ стремленіемъ къ добру и красотѣ, гдѣ сильный помогаль-бы слабому, добрый воздѣйствовалъ-бы на злого. Учитель то-же, что режиссеръ. Какъ этотъ послѣдній, подготавливая каждаго актера, не упускаетъ изъ виду ансамбля труппы, такъ и учитель, воздѣйствуя на каждаго школьника въ отдѣльности, долженъ всегда имѣть въ виду ансамбль школы, проникнутой общей идеей. На дѣйствиіе среды нужно отвѣчать болѣе сильнымъ противодѣйствіемъ среды-же (въ данномъ случаѣ школа должна реагировать на дурное вліяніе семьи и улицы). Но какъ режиссеръ незамѣтенъ для публики, для которой онъ какъ-бы не существуетъ, такъ и учитель долженъ работать на пользу своей школы незамѣтно для постороннихъ глазъ. Если онъ сумѣетъ стать въ положеніе перваго среди равныхъ, если онъ будетъ только старшимъ товарищемъ своихъ учениковъ, ведущимъ ихъ къ одной цѣли—нравственному и умственному совершенствованію, онъ достигнетъ большаго, нежели, прибѣгая къ репрессіямъ, будетъ постоянно твердить, что онъ начальникъ школы. Только плохой педагогъ ссылается на свой начальническій авторитетъ. И безъ этого указанія ученики отлично сознаютъ, что они подчинены учителю. Только нравственный авторитетъ учителя улучшаетъ и пересоздаетъ школу.

Никогда не слѣдуетъ забывать поговорки „docendo discimus“—„уча, учимся“. Всякому учителю есть чему поучиться у своихъ учениковъ. Кромѣ того, взаимный обмѣнъ мнѣній еще больше скрѣпляетъ связь учителя со школой. Позволяйте ученикамъ критико-

вать ваши мнѣнія, но только такъ, какъ сами критикуете ихъ: вѣжливо и осторожно. Мнѣ нерѣдко приходилось выслушивать критику отъ своихъ вотяковъ, когда, занимаясь изслѣдованіемъ вотскаго быта, я дѣлился съ ними своими предположеніями относительно того или другого явленія ихъ жизни, и долженъ сознаться, что нерѣдко встрѣчалъ серьезные возраженія, въ корень подтачивавшія мой взглядъ.

Приходилось дѣлать ошибки и какъ учителю. И это не ускользало отъ зоркаго глаза школы. Но всякая поправка, сдѣланная разумно и вѣжливо, вызвала съ моей стороны, какъ вызвала-бы и со стороны всякаго другого на моемъ мѣстѣ, только благодарность. Разумная свобода, которою пользовалась моя школа, открывала мнѣ доступъ въ тайники души мальчиковъ: они дѣлились со мной буквально всѣмъ. Одинъ сообщалъ, что у него тятка ушелъ на промыслы, другой, что его мамка прибила, третій, что у нихъ лошадь продали и т. д.

Ничто не ускользало отъ меня, и обо всемъ давали знать сами школяры. Нерѣдко защищали они меня и школу отъ нападковъ своихъ родителей. Напр., вотяки въ числѣ аргументовъ противъ школы приводили тотъ, что на нее всѣ „податя“ уходятъ. Ученики не знали, что возразить. Но одинъ изъ нихъ разрѣшилъ вопросъ и указалъ мужикамъ, на что и для чего идутъ подати. Однажды онъ, чтобы проверить вѣрность своего возраженія, задаетъ мнѣ вопросъ: „правду, Д. К., говорятъ на деревнѣ, что ты „податя“ берешь?—А по-твоему какъ?—По-моему, на „училищу“ мало идетъ. Больше Царю: начальниковъ содержать, солдатъ кормить. Это все для нихъ-же, мужиковъ“. Я, конечно, постарался объяснить ему, что и на школу берется по закону Царя, и дѣлается это также для народнои пользы. Этотъ-же вотячекъ

(тотъ самый, который при началѣ моей педагогической дѣятельности жилъ въ „Вѣломъ царствѣ“) какъ-то спрашиваетъ меня: „Что шмель—другъ или врагъ человѣка?“ (Здѣсь я сдѣлаю маленькое отступленіе. Пользуясь въ качествѣ пособія хрестоматіей барона Корфа „Нашъ другъ“, я расклассифицировалъ животныхъ на друзей и враговъ, смотря по тому, приносятъ они пользу или вредъ). Будучи плохимъ зоологомъ, я отвѣтилъ, что насѣкомыя вообще приносятъ больше вреда, нежели пользы. — „Нѣтъ, Д. К., шмель—другъ, возразилъ Василій Михеевъ (фамилія вопрошавшаго),—какъ-же, когда въ Англіи пропали шмели, клеверъ сталъ плохо родиться. А когда они опять прилетѣли (развели ихъ, что-ль?), пошли урожаи. Шмель переноситъ пыль съ цвѣтковъ, и трава съ этого растетъ“. Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ календаря, который основательно-таки изучилъ. Вообще, календарь—настольная книга нашего крестьянина, откуда онъ черпаетъ всѣ свои свѣдѣнія. Поэтому въ интересахъ крестьянъ слѣдуетъ желать, чтобы въ деревню проникали только хорошіе, содержательные календари. Школьникъ интересуется буквально всѣмъ, обо всемъ проситъ рассказать: и о волосатыхъ людяхъ, и о „магнитъ-каменѣ“, и объ обезьянахъ. Только успѣвай отвѣчать, а за вопросы дѣло не станетъ. А то приходитъ какой-нибудь бутузъ и заявляетъ: „я тяткѣ велѣлъ чище избу держать. Д. К. говоритъ, что не хорошо грязно жить. — Что-жъ? Послушался?—Послушался, только баить, что въ крестьянствѣ неколи-чистоту наблюдать. Ну, да я ему еще скажу“. Славный, добрый народъ! Много пріятныхъ минутъ провелъ я въ общеніи съ тобой! Бывало, конечно, и грустно, но что значитъ мимолетная тоска, скорбь одиночества въ сравненіи съ свѣтлыми воспоминаніями объ этихъ прелестныхъ маленькихъ существахъ.

III.

Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня, если я познакомлю его и съ тѣми изъ своихъ товарищей по профессіи, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, и съ ихъ житьемъ-бытьемъ. Знакомство съ этими учителями дастъ читателю возможность составить нѣкоторое понятіе и о школахъ, которыми они руководили: по учителю можно судить и о школѣ, и въ этомъ отношеніи вполнѣ примѣнимо выраженіе: „скажи мнѣ, у кого ты учился, и я скажу, каковъ ты“. Остановлюсь сначала на своемъ предшественникѣ, учителѣ церковно-приходской школы грамоты, изъ которой главнымъ образомъ скомплектовалась и моя школа.

Ученики, перешедшіе отъ него ко мнѣ, жаловались, что онъ ихъ больно наказывалъ. Мнѣ онъ представлялся чѣмъ-то суровымъ, чуть-ли не человѣкомъ-вѣремъ. Но, увидавъ его, я сразу перемѣнилъ мнѣніе. Передо мной былъ человѣкъ небольшого роста, съ пугливымъ выраженіемъ маленькихъ лукавыхъ глазъ, по происхожденію крещеный татаринъ, а по образованію не кончившій курса центрально-иностранческой школы. Жизнь его была по-истинѣ каторжная. Получая жалованье кучеровъ захолустныхъ городковъ—*шестьдесятъ рублей въ годъ*, этотъ „педагогъ“, чтобы не умереть съ женой съ голоду, собиралъ въ лѣсу на продажу малину, помогалъ крестьянамъ въ полевыхъ работахъ (не безвозмездно, конечно), продавалъ ученикамъ перья и бумагу, склончивая на всемъ этомъ не особенно много. Видя его забитость, трудно предположить, какъ онъ могъ нагонять такой страхъ на своихъ школьниковъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ его существѣ не было ничего „воинственнаго“. Но въ жизни бываютъ такіе курьезы, что пугала сами пугливы. Будучи плотью отъ

плоти и костью отъ кости своей среды, Алексѣевъ (фамилія бѣднаго труженика) и въ дѣлѣ воспитанія держался домостроевскихъ принциповъ, которыми проникнута огромная часть нашего крестьянства. Мужикамъ онъ нравился (а угодить и понравиться было въ его характерѣ, да и тяжелая жизнь къ тому направляла) и они одобряли его педагогическіе приемы. Мало того, сами въ значительной степени способствовали его дальнѣйшему прогрессу на этомъ пути, совѣтуя такого-то „пошибче“ отодрать за уши, а такого-то „покрѣпче“ оттащить за волосы. Алексѣевъ всѣмъ этимъ совѣтамъ слѣдовалъ безъ всякой критики (къ чему онъ, по своему развитію, не былъ и способенъ), былъ, что называется, „радъ стараться“. Духовное развитіе его было прямо плачевное, о чемъ можно судить хотя-бы по слѣдующему факту. Алексѣевъ рвался выйти изъ своего тяжелаго положенія и лелѣялъ мечту попасть въ земскіе учителя. Онъ обратился за помощью къ одному изъ сосѣднихъ земскихъ учителей. Тотъ охотно согласился заниматься съ нимъ, но вскорѣ отказался. Съ перваго же урока Алексѣевъ поразилъ своего коллегу своею первобытною. Земскій учитель сталъ рассказывать ему о движеніи земли. „Да развѣ земля движется?— наивно воскликнулъ Алексѣевъ.—Я этого не зналъ“.— „И никакъ не могъ понять (передавалъ мнѣ его репетиторъ) того, что знаютъ и понимаютъ ученики земской школы“. Потерявъ надежду подготовиться въ земскіе учителя, Алексѣевъ задумалъ попасть въ преподаватели земской школы другимъ способомъ. Отмѣчая, что сдѣлаться руководителемъ земскаго училища и получать въ качествѣ такового около трехсотъ рублей въ годъ было идеаломъ его жизни. И вотъ этого-то идеала Алексѣевъ хотѣлъ достигъ черезъ меня. Почему-то ему представилось, что я могу повліять на инспектора, а инспекторъ въ его

Главахъ былъ всемогущимъ и полновластнымъ хозяиномъ земскихъ школъ, раздающимъ учительскія мѣста по произволу. Въ этомъ пунктѣ Алексѣевъ, пожалуй, не много грѣшилъ противъ истины. Но, набравъ меня своимъ посредникомъ, онъ сильно ошибся, во-первыхъ, потому что я инспектора совсѣмъ не зналъ, чтобы обращаться къ нему съ подобнымъ ходатайствомъ, и, во-вторыхъ, потому что я настолько хорошо зналъ его, Алексѣева, что не рѣшился-бы просить за него. Какъ-бы тамъ ни было, Алексѣевъ въ одинъ вечеръ все-таки явился ко мнѣ съ „приношеніемъ“, прося замолвить за него словечко передъ инспекторомъ, приѣздъ котораго ожидался. Въ видѣ „благодарности“, онъ принесъ мнѣ поросенка. Я, конечно, отказался и отъ поросенка, и отъ ходатайства, указавъ ему на единственно возможный способъ осуществить его мечту — держать учительскій экзаменъ. Онъ меня выслушалъ, а поросенка все-таки оставилъ, несмотря на мой настойчивый отказъ. Такъ и пришлось отдать эту своего рода взятку кому-то на деревнѣ. Впослѣдствіи участь Алексѣева была нѣсколько облегчена: онъ сталъ получать девяносто рублей въ годъ. Но если трудно и этому „полупахарю“ прожить на такомъ мизерномъ окладѣ, то о земскомъ учителѣ и говорить нечего, хотя онъ получаетъ почти въ пять разъ больше Алексѣева. Земскій учитель и одѣться долженъ лучше, и ѣсть того, чѣмъ питаются крестьяне или тотъ-же Алексѣевъ, онъ не можетъ, такъ какъ земскій учитель нерѣдко уроженецъ города и его жидюкъ привыкъ къ болѣе или менѣе хорошо приготовленнымъ кушаньямъ. Я уже не говорю о духовныхъ потребностяхъ, которыя и здѣсь, какъ почти повсюду, оставались-бы неудовлетворенными, если-бы не пришла на помощь земская управа, руководимая свѣтлою, гуманною личностью. Земская управа того

уѣзда, гдѣ я учительствовалъ, идя на встрѣчу духовнымъ запросамъ своихъ учителей, выписала въ школы всѣ болѣе или менѣе серьезные журналы, предварительно освѣдомившись у каждаго учителя, какой журналъ онъ желаетъ получать, такъ что теперь учитель этого мало кому извѣстнаго уѣзда имѣетъ возможность слѣдить за текущей литературой и принимать участіе въ міровой жизни. Выписываются и „Русская Школа“, и „Образованіе“, и „Дѣтское чтеніе“, и „Міръ Божій“ и нѣкоторые другіе изъ общихъ и специальныхъ журналовъ. Спасибо управѣ и ея умному и честному предсѣдателю за такое внимательное отношеніе къ своимъ учителямъ!.. Духовная пища, слѣдовательно, у учителей есть. О пищѣ матеріальной этого, къ сожалѣнію, сказать нельзя. Учителю нерѣдко приходится сидѣть впроголодь. И нельзя сказать, чтобы ощущался недостатокъ въ продуктахъ. Въ деревнѣ, правда, вы не достанете мяса, но вамъ его могутъ привезти изъ села. Но ни въ селѣ, ни въ деревнѣ вамъ ничего путнаго изъ этого мяса ни сдѣлаютъ. Сварятъ развѣ щи, но такія, что нужно долго голодать, чтобы быть въ состояніи съѣсть это кушанье. Мясо почти всегда переварятъ. Иной учитель не прочь нанять-бы кухарку, да негдѣ ее помѣстить, а въ деревнѣ и кухарки-то не найдешь. Недоѣданіе — доля сельскаго учителя, какъ и доля среды, гдѣ онъ работаетъ — русскаго народа. Но какъ разстраиваютъ эти голодовки нашихъ деревенскихъ представителей просвѣщенія! Я боюсь обобщать, но о тѣхъ учителяхъ и учительницахъ, которыхъ я знаю, смѣло могу сказать (не будучи специалистомъ), что всѣ они больные и несомнѣнные неврастеники. Я не свожу всего къ „хлѣбу единому“, но и не умаляю его роли въ жизни. Учитель Елисеѣвъ, напр., котораго я больше другихъ наблюдалъ, отъ природы не глупый, съ хорошими

задатками человѣкъ, но крайне раздражительный. Думаю, что систематическія голодовки не мало способствовали развитію этой раздражительности. „Я, братъ, сегодня ничего не ѣлъ“, частенько слышалъ я отъ него, пріѣхавъ къ нему часовъ въ 5 или 6 (а то и позднѣе) ч. вечера. „Переваренное мясо надоѣло. Щи—въ ротъ не возьмешь. Развѣ позовемъ Иваныча (псаломщика) приготовить яичницу“? Являлся Иванычъ, мастеръ кулинарнаго дѣла, и начиналъ намъ готовить яичницу... А то разъ пріѣхалъ я къ одной учительницѣ, и она встрѣтила меня словами: „какое у меня горе, К. Д.!“— „Что такое?“ съ участіемъ спросилъ я, тронутый искренностью ея тона.— „Представьте себѣ, полѣзла я въ печь доставать щи и всѣ ихъ розлила. Вотъ теперь и сижу на пищѣ св. Антонія“. При другихъ условіяхъ я только разсмѣялся-бы да сказалъ: „и только-то! Есть о чемъ горевать“. Но здѣсь я понялъ, что шутить нечего и горевать было о чемъ. Пролитыя щи, переваренное мясо—особый предметъ горя учителя народной школы.

Я упомянулъ уже о Елисеѣвѣ. Это былъ человѣкъ, преданный школѣ, по развитію стоявшій выше многихъ учителей своей округи. Онъ не довольствовался тѣмъ тощимъ багажемъ свѣдѣній, который онъ вынесъ изъ своей семинаріи: много читалъ и даже нѣсколько изучилъ нѣмецкій языкъ. Но среда уже начала растлѣвать и этого милаго юношу (ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ). Одиночество, голодовки, неудовлетворенность жизнью развили въ немъ зачатки меланхоліи: онъ нерѣдко жаловался мнѣ, что всѣ его покинули, что всѣ надъ нимъ подсмѣиваются, что жизнь его такъ скверно сложилась, что хоть стрѣляйся. Иногда онъ порывалъ сношенія съ окружающимъ міромъ, говорилъ дерзости своимъ знакомымъ, и требовалось много такта, чтобы успокоить его и привести въ себя. Въ нормальномъ-же

состояніи онъ былъ хорошимъ человѣкомъ. Школа Елисеѣва была на лучшемъ счету у инспекціи. Цѣнили его, какъ хорошаго учителя, и предсѣдатель земской управы. Любили его и крестьяне, которымъ онъ помогалъ и за которыхъ вступался гдѣ возможно. Приведу такой случай. Какъ-то мѣстный урядникъ распорядился ввести дежурства сотскихъ и десятскихъ при волостномъ правленіи. Сами по себѣ эти дежурства не имѣли никакого смысла, пользы общественному управленію отъ нихъ не было, десятскихъ-же они отвлекали отъ домашнихъ работъ и вызывали, благодаря этому, вполне справедливыя жалобы на произволъ урядника, который завелъ эти дежурства исключительно въ своихъ видахъ. Дежурный замѣнялъ ему слугу. Урядникъ заставлялъ дежурившаго десятскаго убирать свою лошадь, носить воду и дрова, топить печи, словомъ, превращалъ его въ „денщика“, понимая послѣднее слово въ смыслѣ „слуга на день“. Крестьяне обратились къ Елисеѣву, прося его помочь имъ въ постигшей ихъ невзгодѣ. Елисеѣвъ послалъ объ этомъ распоряженіи урядника корреспонденцію въ мѣстныя губернскія вѣдомости и въ ней изложилъ всѣ тѣ неудобства, которыя повлекла за собою эта затѣя. Корреспонденцію не напечатали, но за-то прислали чиновника съ порученіемъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Удостоверившись въ справедливости приведенныхъ въ корреспонденціи жалобъ, чиновникъ этотъ отмѣнилъ распоряженіе урядника, а самому ему сдѣлалъ болѣе или менѣе строгое внушеніе за усердіе не по разуму. Мужички были очень благодарны Елисеѣву за его заступничество. Нужно замѣтить, что Елисеѣвъ писалъ корреспонденцію подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія со стороны инспекціи, которая, подобно большинству провинціаловъ, не долюбиваетъ корреспондентовъ.

Но если объ учителѣ Елисеѣвѣ у меня сохранились самыя лучшія воспоминанія, то о его сосѣдкѣ Карповой я этого сказать не могу. Эта учительница, уже не молодая дѣвушка, кромѣ своей слабой подготовки къ педагогической дѣятельности, отличалась еще какой-то странной озлобленностью противъ своихъ питомцевъ. Она отбирала у провинившихся школьниковъ хлѣбъ и заставляла, такимъ образомъ, этихъ несчастныхъ дѣтей съ завистью смотрѣть на своихъ закусывающихъ товарищей, не выпускала во время уроковъ учениковъ изъ класса, любила оставлять послѣ уроковъ. Словомъ, систематически разстраивала здоровье мальчиковъ, за что и была жестоко наказана самой природой и попала на языкъ сельскимъ кумушкамъ. Одинъ изъ учениковъ, которому она „не позволила выйти изъ класса“, обезславилъ и себя, и свою суровую „наставницу“, отправивъ одну изъ самыхъ неприятныхъ физиологическихъ потребностей въ классѣ, на скамьѣ. Послѣ этого учительница, кажется, нѣсколько смягчилась. На долго-ли?.. Вообще, деревенская, некультурная семейная среда дѣйствуетъ отрицательно на дѣвушекъ, „перевалившихъ“ за второй десятокъ лѣтъ. Деревня смотритъ на женщину исключительно, какъ на самку, которая въ 16—17 лѣтъ должна прискаты себѣ супруга. Дѣвушка-перестарокъ—обуза для своихъ родителей, она служитъ предметомъ киваній со стороны сосѣдей, озлобляетъ домочадцевъ и вызываетъ соболѣзнованія и причитанія у разныхъ кумушекъ и тетушекъ. Немудрено, что все это разстраиваетъ и озлобляетъ такихъ, какъ ихъ называютъ, „старыхъ дѣвъ“. Эти дѣвушки не первой молодости, живущія въ такихъ отвратительныхъ условіяхъ, заурядъ бываютъ плохими учительницами. Педагогическій трудъ—не для озлобленныхъ. Такія-же учительницы или начинаютъ безцѣльно наказы-

вать своихъ учениковъ, или-же впадаютъ въ какую-нибудь мономанію. Я зналъ еще одну немолодую учительницу, которая, такъ сказать, отошла отъ міра сего: мало интересовалась текущими событіями, ничего не читала, кромѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія; все ея существо было проникнуто мистицизмомъ, а въ глазахъ блуждалъ какой-то болѣзненный огонекъ. Ея мистицизмъ передался и ея ученикамъ. Сама-же по себѣ эта учительница очень милая дѣвушка, которая навѣрное не практикуетъ тѣхъ убійственныхъ „педагогическихъ“ приемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ инья изъ ея подругъ.

Насколько слабо развитіе нѣкоторыхъ земскихъ „наставниковъ“, читатель можетъ судить хотя-бы по такимъ курьезамъ. Одна изъ земскихъ учительницъ, обращаясь въ земскую управу, написала: „Ея Высокоблагородію Г-жѣ Земской Управѣ“, за что и попала въ мѣстныя лѣтописи. А нѣкій учитель прославился, какъ „писатель“ маленькихъ заявленій на большихъ листахъ бумаги. Напишетъ большими буквами, напр.: „Прошу выслать коробку перьевъ“ и для этого употребить цѣлый листъ, считая, вѣроятно, неприличнымъ обращаться къ земской управѣ на бумагахъ меньшаго формата. Этотъ оригиналъ вызвалъ даже со стороны земской управы циркуляръ (тоже не лишенный курьезности), которымъ предлагалось учителямъ писать на четвертушкахъ и даже на восьмушкахъ листа, вообще соотвѣтственно тому, многоли или мало они хотятъ написать. Но не одни учителя повинны въ подобныхъ курьезахъ. Нѣкоторые изъ инспекторовъ нашего уѣзда также оставили по себѣ память своей способностью смѣшить публику. Такъ, во время моего учительства мнѣ приходилось слышать отъ мѣстныхъ священниковъ и учителей о такомъ курьезномъ распоряженіи одного изъ бывшихъ незадолго предъ этимъ инспекторовъ. Этому

инспектору приписывалась честь изобрѣтенія простой, но далеко не гениальной вещи—„гороховыхъ счетовъ“. Читатель, можетъ быть, придетъ въ недоумѣніе отъ этихъ „гороховыхъ счетовъ“. Приходили въ недоумѣніе и учительницы и учителя, когда имъ инспекторъ въ формѣ предписанія порекомендовалъ завести подобнаго рода учебное пособіе. Чтò побудило этого господина къ подобной „реформѣ“ въ школьномъ дѣлѣ,—стремленіе-ли къ экономіи или желаніе пооригинальничать, рѣшать не берусь. Не знаю также, пробовалъ-ли онъ лично приготовить гороховые счета“. Мнѣ только передавали, что учительскій персоналъ долго бился надъ осуществленіемъ инспекторской затѣи. Учителя размачивали горохъ, чтобы легче было продѣть сквозь отдѣльныя горошинки проволоку, но горохъ высыхалъ, трескался—и приходилось снова приниматься за Сизифову работу: размачивать горохъ, нанизывать на проволоку и... ждать, когда горохъ высохнетъ и треснетъ, чтобы снова приняться за работу. Пришлось въ концѣ-концовъ отказаться отъ мысли осуществить эту своеобразную затѣю отечественнаго изобрѣтателя своего рода „regretium mobile“. А сколько трудовъ и волненій, при сплошныхъ неудачахъ, было израсходовано на изготовленіе этого чуднаго (можете читать и чуднаго) учебнаго пособія! О громадномъ количествѣ гороха, который могъ-бы быть использованъ съ бѣльшей пользой, я и не говорю.

Другой инспекторъ обратился къ училищному Совѣту съ страннымъ предложеніемъ—уволить учителя, одинъ изъ учениковъ котораго во время инспекторской ревизіи высунулъ языкъ. Инспекторъ эту выходку—проявленіе дурной привычки или случайная шалость—принялъ на свой счетъ и требовалъ примѣрнаго наказанія учителю, такъ распустившему школу. Училищному Совѣту удалось все-таки

отстоять учителя, объяснив инспектору, что „сіе дѣяніе“ произошло, навѣрное, помимо желанія учителя. Этотъ-же самый инспекторъ, любитель картъ и вина, жившій не по средствамъ, задерживалъ у одного изъ учителей министерской школы, человѣка семейнаго, въ теченіе *трехъ* мѣсяцевъ скудное учительское жалованье и возвратилъ его только благодаря вмѣшательству высшей учебной власти. Это уже не смѣшно, а грустно. Но „не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ“. Были, конечно, хорошіе люди и среди мѣстныхъ инспекторовъ. Особенно добрую память оставили по себѣ нѣкіе М. и С. Это были прекрасные люди, мягко и сердечно относившіеся къ своимъ подчиненнымъ, облегчавшіе, гдѣ возможно, ихъ тяжелую участь. А какъ рады учителя, эти бѣдные труженики, гуманному отношенію къ нимъ, особенно со стороны начальства, какъ они цѣнятъ хорошихъ людей и какъ долго хранятъ о нихъ воспоминаніе!.. С. былъ не только гуманнымъ начальникомъ, но и хорошимъ педагогомъ. Каждую школу онъ обревизовывалъ съ должнымъ вниманіемъ, посвящая обыкновенно этому часа три-четыре. Вообще этотъ инспекторъ только присутствовалъ на урокахъ, предоставляя вести дѣло самому учителю. Лишь замѣтивъ неопытность учителя, онъ мягко и деликатно указывалъ его ошибки и тутъ-же наглядно исправлялъ ихъ. Говорятъ, что С. иногда оставался въ школѣ, руководитель которой былъ, по его мнѣнію, „неудовлетворителен“, дня по два. Повторяю, самую прекрасную память оставили по себѣ М. и С. въ уѣздѣ. „Побольше-бы намъ такихъ людей“, приходилось мнѣ слышать отъ учителей, помнившихъ этихъ инспекторовъ.

Инспекторъ К., при которомъ служилъ я, принадлежалъ къ разряду обыкновенныхъ людей, всѣ помыслы которыхъ направлены на „округленіе“ ка-

питала, семьи, собственнаго тѣла. Это стремленіе „округлить“ и „округлиться“ успѣло уже наложить печать и на его фигуру. Невысокаго роста, полненькій, съ пухлыми руками и пальцами, онъ производилъ впечатлѣніе „шарика“. Въ его фигуркѣ было много комичнаго, въ глазахъ больше хитрости, нежели ума, но все это не мѣшало ему напускать холоду и таинственности на своихъ подчиненныхъ. „Куда вы, С. В., намѣреваетесь поѣхать отъ меня?“—спрашиваетъ, бывало, инспектора учитель по окончаніи ревизіи.—„Я этого не могу сказать. Вы можете предупредить о моемъ пріѣздѣ, а я признаю только неожиданныя ревизіи, когда я застаю учителя врасплохъ. Я являюсь, „яко тать въ нощи“. Съ этой цѣлью („накрывать“ врасплохъ) инспекторъ, вѣроятно, и ѣздилъ на долгихъ, прямо изъ города, а не на перекладныхъ, по общему порядку. Ѣздилъ онъ на парѣ, хотя прогоны ему полагались на тройку. Потомъ объяснился смыслъ выраженія „яко тать въ нощи“. Положимъ, инспекторъ проѣзжалъ на парѣ (прогоны за одну лошадь шли, значить, въ его пользу) 60 верстъ до мѣста назначенія и по пути могъ-бы обревизовать нѣсколько школъ. Но онъ ихъ пропускалъ и возвращался ревизовать черезъ нѣкоторое время. Слѣдовательно, онъ дѣлалъ не 65 или 70 верстъ, какъ сдѣлалъ-бы, не возвращаясь домой, а 65 или 70 + прежнія 60 верстъ. Помножьте на эту сумму 2½ коп. (размѣръ прогоновъ на одну лошадь съ версты), и вы получите то, что выгадывалъ онъ отъ своей „системы“ ѣздить на парѣ. Планъ округлить состояніе былъ, повидимому, обдуманъ въ мелочахъ. Но содержатели почтовыхъ станцій скоро постигли смыслъ такого образа дѣйствій инспектора, бившаго ихъ по карману. Возилъ инспектора одинъ городской ямщикъ, слѣдовательно, сельскіе ямщики лишались довольно выгоднаго пасса-

жира. Бздилъ онъ на парѣ, тогда какъ ему полагалась тройка, опять-таки недovyручка. Содержатели земскихъ станцій, взвѣсивъ все это, подали протестъ въ управу, которая, внявъ ихъ голосу, предложила инспектору жить „по старинѣ, не нарушая установленныхъ правилъ“. И тотъ безпрекословно подчинился. При посѣщеніяхъ школъ этотъ инспекторъ позволялъ себѣ безтактныя выходки: называлъ „безалаберными“ распоряженія земства, входилъ безъ позволенія въ учительскія комнаты и распоряжался тамъ, какъ у себя дома. Такъ, пріѣхавъ ревизовать мою школу, онъ, войдя, въ мое отсутствіе, въ мою комнату и увидя ее неубранной, воскликнулъ: „Здѣсь словно Мамай былъ“. Хозяйка, которой я платилъ за уборку своего помѣщенія, бросилась-было подметать. „Оставь,—остановилъ ея К.,—это не твое дѣло. Ваше дѣло убирать школу, а эту комнату учитель долженъ мести самъ“. Растерявшаяся женщина перестала мести. На окнѣ у меня стояла бутылка съ глазной примочкой. Инспекторъ протянулъ руку къ бутылкѣ, откупорилъ ее и понюхалъ. „Это не водка,—замѣтилъ ему бывший при этомъ хозяинъ школьнаго помѣщенія, сразу проникшій въ тайный смыслъ поступка инспектора.—Это глазная примочка. К. Д. ею ученикамъ глаза лечить. Онъ у насъ совсѣмъ не пьетъ“.—„То-то и я чувствую, что пахнетъ какой-то кислотой“,—послѣдовалъ отвѣтъ со стороны инспектора. Все это мнѣ передавали потомъ очевидцы. Самъ-же я былъ въ это время на другомъ концѣ деревни, и когда пришелъ къ себѣ, веселая комедія уже кончилась. Отрекомендовавшись другъ другу, инспекторъ и я разговорились за стаканомъ чая. Поговорили о мултанскомъ „моленіи“, причемъ инспекторъ выказалъ себя сторонникомъ взгляда, утверждающаго существованіе у вотяковъ „каннибализма“. Меня это вначалѣ заинтересовало. Но когда

инспекторъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сталъ ссылаться на иксовъ и игрековъ, которые его завѣряли, что вотяки „молятъ двуногую скотину“, то я не могъ сдержаться, чтобы не замѣтить, что иксы и игреки передавали свои слухи и на судѣ, только имъ не повѣрили. Однихъ слуховъ, значить, мало. „Но, вѣдь, гласъ народа—гласъ Божій!“ — воскликнулъ инспекторъ. Хотѣлъ я ему отвѣтить на это поговоркой-же сѣвернаго края, гдѣ о мірской молвѣ говорятъ, что она хуже всякаго зловонія (въ печати буквально этой поговорки, очень хорошо, правда, опредѣляющей молву, привести нельзя), да счелъ за лучшее прекратить споръ. Разговоръ перешелъ далѣе на возможное будущее вотяковъ, какъ племени. Я высказалъ взглядъ, что вотяки должны вымереть (процессъ вымиранія можно наблюдать уже и теперь), какъ только ихъ края коснется цивилизація со всѣми ея „аксессуарыми“. Какъ племя полудикое, этотъ народецъ погибнетъ въ неравной борьбѣ за существованіе. Спасутся только отдѣльные индивиды, съумѣвшіе приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Правильно поставленная школа можетъ здѣсь принести большую пользу. Но и спасшіеся „счастливыцы“ потеряютъ свой типъ, обрусѣютъ. „Вотяки рѣдко вступаютъ въ бракъ съ русскими,—продолжалъ я развивать свою мысль,—но если-бы они и чаще „брачились“ съ русскими, то и тогда, если вѣрно мнѣніе, что при скрещиваніи антропологически отдаленныхъ племенъ плодовитость ихъ уменьшается, вотяки въ концѣ концовъ все-таки должны погибнуть, какъ племя“.—„Это невѣрно, что отдаленныя племена, скрещиваясь, даютъ потомство съ уменьшенной плодовитостью. По моему, какъ разъ наоборотъ: родственныя племена, скрещиваясь, дѣлаются менѣе плодовитыми“, возразилъ мнѣ инспекторъ. На это я замѣтилъ, что такъ утверждаетъ То-

пинарь *) и нашель соотвѣтствующую страницу „Антропологии“ этого ученаго. „Виноватъ, я хотѣлъ сказать другое“, сказалъ инспекторъ.—„Я догадываюсь, что вы хотѣли сказать,—позволилъ я себѣ перебить инспектора,—вы думаете, браки между родственниками не плодovitы и грозятъ вырожденіемъ. Но и этотъ взглядъ оспаривается у того-же Топинара“.

Инспектору видимо не понравились эти возраженія учителя. Заговорили о школѣ. Я счелъ своимъ долгомъ не скрывать недостатковъ своей школы, въ которыхъ былъ много повинень и самъ въ силу моей неопытности. „Но есть у меня три ученика,—заявилъ я инспектору,—за успѣхи которыхъ я не могу отвѣчать. По моему, у нихъ полудиотизмъ (semiidiotismus). „Это мнѣ всѣ учителя говорятъ, когда хотятъ свалить съ себя трудъ“,—получилъ я въ отвѣтъ на свои слова.—„Не знаю, что вамъ говорятъ учителя,—замѣтилъ я въ свою очередь,—но что я не преувеличиваю, можете убѣдиться сами. Пойдемте и посмотримъ».—„Да, правда, у васъ есть-таки полудиоты“,—сказалъ инспекторъ по окончаніи ревизіи, когда нѣсколько познакомился съ этими несчастными мальчиками. Услышавъ отъ меня, что я часто становлюсь втупикъ, не зная, что дѣлать, учить или лечить своихъ школьниковъ, инспекторъ посовѣтовалъ мнѣ завести лечебникъ, на что я отвѣтилъ, что легкія болѣзни скоро проходятъ сами, а трудныя, съ которыми часто приходится сталкиваться, можетъ лечить только специалистъ; обращаться же въ подобныхъ случаяхъ къ лечебнику—значитъ брать на себя очень многое, т. е., по-просту заниматься шарлатанствомъ.

*) Топинарь, «Антропология». Переводъ подъ ред. Ил. Мечникова. Слб. Изд. Пантелеева. 1879 г., стр. 375.

Что касается самой ревизіи, то она сошла благополучно. Только передъ концомъ ея, когда ученики старшаго отдѣленія отвѣтили, при какомъ Государѣ была Севастопольская война, на вопросъ: „а какъ зовутъ *настоящаго* Царя?“ ученики не отвѣтили и произошло маленькое замѣшательство. Имя Государя должны знать въ каждой русской школѣ. И, смѣю утверждать, знаютъ. Знали, конечно, имя Государя и мои ученики. Поэтому меня удивило ихъ молчаніе, длившееся нѣсколько секундъ, пока я не догадался предложить имъ тотъ-же вопросъ въ другой формѣ. Инспекторъ во время этого молчанія, быть можетъ, выводилъ кое-какія заключенія. „Какъ зовутъ царствующаго теперь Государя?“ спросилъ я. Тотчасъ-же получился отвѣтъ. „Полный титуль?“ предложилъ, въ свою очередь, инспекторъ. Сказали полный титуль. Я отмѣчаю этотъ маленькій случай для того только, чтобы показать, насколько обдуманно должны предлагаться вопросы гг. ревизорами. „Почему-же вы не отвѣтили на вопросъ инспектора?“ спросилъ я на слѣдующій день учениковъ. „Мы не поняли, что онъ спрашивалъ“. Однако *sapienti sat*, и я остановлюсь.

IV.

Наказаніе, какъ извѣстно, осуждается и теоретической, и практической педагогикой. Учитель долженъ развить въ своемъ питомцѣ чувство долга, уваженіе къ собственной (а слѣдовательно, и къ чужой) личности. Путемъ розогъ и колотушекъ этого не достигнешь. Тѣлесное наказаніе раслѣвываетъ человѣка. Все это прописныя истины, которыя, однако, нерѣдко забываются „педагогами“, что можно усмотрѣть хотя-бы изъ циркуляра одного изъ директоровъ народныхъ училищъ, вмѣнявшаго въ обязан-

ность представителямъ сельскихъ школъ гуманное отношеніе къ дѣтямъ подѣ страхомъ увольненія отъ должности за неисполненіе предписанія. Словомъ, es ist eine alte Geschichte, die ist doch immer neu — все это старая пѣсня, старая погудка на новый ладъ.

Но каково мыслящему педагогу, не забывающему этихъ прописныхъ истинъ, когда онъ наряду съ этими требованіями педагогики и просвѣщеннаго начальства поставить существованіе тѣлеснаго наказанія, практикуемаго иногда волостными судами? Какъ больно должно сжиматься сердце такого учителя, когда онъ представитъ себѣ ужасную картину такого ужаснаго наказанія, запрещаемого ему и голосомъ собственной совѣсти, и теоріей, и даже предписаніями начальства, — наказанія, которому можетъ подвергнуться въ будущемъ какой-нибудь изъ его школьниковъ! Какъ отнесется этотъ бывшій ученикъ, котораго учитель не смѣлъ тронуть пальцемъ, къ приведенію надъ нимъ въ исполненіе приговора волостного суда? Переживетъ-ли онъ эту пытку? Не искалѣчить-ли она его нравственно? Думаю, всякому мало-мальски мыслящему учителю станетъ тяжело, когда онъ представитъ себѣ все это, тѣмъ болѣе, что многимъ учителямъ извѣстно, какъ быстро прививается воспримчивымъ дѣтямъ понятіе о собственномъ достоинствѣ. Не буду голословенъ. Вы помните, что большинство моихъ учениковъ прошли тяжелую предварительную школу: ихъ и „щелкали“, и „драли“ за уши, и ставили на колѣни. Казалось, было сдѣлано многое, если не все, чтобы убить въ нихъ чувство собственного достоинства. Однако нѣсколькихъ мѣсяцевъ простого человѣческаго отношенія къ нимъ было достаточно для того, чтобы пробудить въ этихъ маленькихъ существахъ полуугашенное чувство личности. Я позволялъ себѣ дѣлать маленькіе опыты въ этомъ отношеніи. Иногда

я протягивалъ (шутя, конечно) къ какому-нибудь не въ мѣру расходившемуся шалуну руку, дѣлая видъ, что я хочу отодрать его за ухо. Шалунъ тотчасъ-же нырялъ подѣ парту. Иногда-же я такого мальчика *тихонько*, съ лаской бралъ за ухо. И что же? Одного этого напоминанія о причинявшейся когда-то такимъ образомъ боли было достаточно для того, чтобы вызвать слезы на глаза иного мальчика, причемъ краска стыда покрывала его лицо.

Нѣкоторые отцы жаловались мнѣ на меня-же самого, что я „распустилъ“ ихъ сыновей, которые не стали поддаваться имъ, убѣгали, когда они хотѣли ихъ побить. Память сохранила мнѣ и такой случай. Славный мальчуганъ, Тимошей Зотинъ, какъ-то, что называется, оплошалъ. Отецъ хотѣлъ его за эту оплошность прибить. Мальчикъ, поблѣднѣвъ, спрятавшись подѣ столъ, судорожно схватился за его ножки и заоралъ благимъ матомъ: „К. Д., не давай тяткѣ драться“ (дѣло было при мнѣ). Я вступился за мальчика, уговоривъ отца и потомъ сдѣлавъ маленькое „наставленіе“ Тимошей, когда онъ, озираясь по сторонамъ, вышелъ наконецъ изъ своей засады. „Нѣтъ, К. Д., — сказалъ мнѣ по поводу моего заступничества отецъ Тимошей, — напрасно ты ребятамъ волю даешь. Бить ихъ надо. Авось, при Павлѣ Петровичѣ (такъ звали моего предшественника) онъ подѣ столъ бы не полѣзъ. И бить-то я его самъ сильно не бью. Такъ, уши развѣ маленько надерешъ“. Значитъ, раньше дѣти не сознавали значенія всякаго рода битья и принимали его за должное. За-то и привязался-же ко мнѣ этотъ Тимошей. Въ каникулярное время, когда я позволялъ себѣ спать часовъ до десяти, онъ прибѣгалъ ко мнѣ по нѣсколько разъ, начиная съ самаго ранняго утра. Войдетъ въ комнату и смотритъ на меня, ждетъ, когда проснусь. „Ты что, Тимошей“, спрощу я его, пробудившись. — „Ничего.

Пришелъ на тебя посмотрѣть“. И это продолжалось регулярно недѣли двѣ, до самаго моего отъѣзда (лѣтомъ) или-же до начала занятій (зимой). И послѣ оного не забылъ меня. Будучи уже далеко отъ мѣста своей прежней дѣятельности, я получилъ отъ этого мальчика трогательную (для меня, конечно) записочку, которую и привожу здѣсь цѣликомъ (писана въ голодный годъ): „Что ты на меня К. Д. прогнѣвался (т.-е. почему не пишешь). Я тебѣ худого не сдѣлалъ. Будь здоровъ. Твой ученикъ Тимошей Зотинъ. У меня отца нѣту (т.-е. ушелъ на заработки). Мы хлѣбъ покупаемъ, но сейчасъ денегъ нѣтъ. Отецъ денегъ не присылаетъ. Я теперь остаюсь голодень: питаться нечѣмъ. Хоть живой въ могилу ложись“. И далѣе, какъ-бы въ доказательство того, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, пишетъ: „Пожалуйста, пришли мнѣ задачникъ. Если не пришлешь, то напиши: вели въ школѣ задачникъ взять“. Милый мальчикъ! Онъ и послѣ моего отъѣзда продолжаетъ думать, что я—его учитель и могу велѣть ему взять задачникъ изъ школы, въ которой уже не распоряжаюсь. И вотъ такой славный мальчикъ—и вдругъ розги, къ которымъ его могутъ приговорить. Жутко!

Этотъ Тимошей любилъ меня до того, что не могъ выносить дурного отзыва обо мнѣ даже со стороны родного отца. „Тятка мой совсѣмъ сдурѣлъ“, какъ-то заявляетъ онъ мнѣ — „Да развѣ можно такъ объ отцѣ говорить?“ — „А то развѣ нельзя, когда онъ тебя ругаетъ? Конечно, сдурѣлъ“, — безапелляціонно рѣшилъ Тимошей. Пришлось-таки пожурить его за это. Не ради рисовки, не для того, чтобы „погарцовать“ передъ читателемъ, привожу я все это. Я слишкомъ далеко отъ самодовольства влюбленнаго въ самого себя Нарцисса. Я только лишній разъ хочу подчеркнуть, какъ цѣнить малыши хорошее отношеніе къ нимъ со стороны учителя.

И вотъ запечатлѣвшійся образъ учителя, „проповѣдующаго“ любовь и деликатность, и остатокъ суроваго варварства, своего рода норма римскаго строгаго права—*juris stricti*—неумолимая розга. Нѣтъ, окончательно путемъ закона слѣдуетъ изгнать это наказаніе изъ практики нашей деревни. „Я вѣрю, близокъ день“... Школа создаетъ новыхъ людей. Новыя птицы, новыя пѣсни. Новые люди, новыя понятія. Словомъ, заря загорается, Но вотъ что удивительно. Полудикій вотякъ, про котораго „даже въ книжкахъ пишутъ“, что онъ приноситъ человѣческія жертвы,—эта самая „кровожадная мышъ“ гораздо рѣже бьетъ своего ребенка, чѣмъ его болѣе культурный сожигатель—русскій. Даже скажу больше. За все время моего учительства мнѣ ни разу не приходилось слышать отъ русскихъ, что ихъ не слушаются дѣти („смѣютъ они не послушаться, а плетка-то на что?“ заявляли мнѣ иногда родители, рекомендовавшіе и мнѣ этотъ способъ воздѣйствія противъ дѣтской „испорченности“). Вотяки-же жаловались. „Что-же ты мнѣ говоришь объ этомъ,—заявилъ я одному вотяку, обратившемуся ко мнѣ съ подобной жалобой,—вѣдь, ты самъ, чай, знаешь, что я этому не причина“. — „Когда не знаю. Знаю. Онъ и до твоего пріѣзда не слушался, сынъ-то. Ты ему ужъ скажи“. — „Ладно. Я поговорю съ нимъ“. „Нелады“ просто-на-просто происходили потому, что болѣе культурный элементъ сталкивался съ менѣе культурнымъ, христіанинъ (вотяки школьники всѣ христіане, и не по названію только) съ язычникомъ, свѣтъ со тьмою: дѣти становились въ нѣкоторую оппозицію къ отцамъ, „моленій“ и „мольбищъ“, зорко охраняемыхъ дряхлыми стариками, не признавали,—отсюда и непослушаніе. Я ставлю на видъ учителямъ (особенно работающимъ среди инородцевъ) этотъ фактъ нѣкотораго „антагонизма“, между дѣть-

ми и родителями для того, чтобы они во-время спѣшили уладить „раздоры“ и направляли жизнь въ „мирную“ колею. Василій Михеевъ, на котораго жаловался отецъ (замѣчу въ скобкахъ: прекраснѣйшій изъ отцовъ), послѣ того, какъ я нѣсколько разъ поговорилъ съ нимъ, сталъ какъ-будто лучше относиться къ своему отцу (къ которому, правда, относился и раньше не плохо: непослушанія—это мимо-летныя тучки на свѣтломъ горизонтѣ ихъ жизни). „Что-же, теперь сталъ слушаться?..“ спросилъ какъ-то я отца „непослушнаго“ сына—„Кто? Василій-то? Спасибо тебѣ. Теперь слушается“...

Бойтесь скуки! (Характеръ моихъ очерковъ не обязываетъ меня держаться строгой системы. Вѣдь я пишу только „замѣтки“. Поэтому не извиняюсь за этотъ скачекъ). Итакъ, снова повторяю: бойтесь скуки. Ничто такъ не вредитъ школьному дѣлу въ смыслѣ послѣдовательной передачи знаній, какъ скука. Бѣда школѣ, гдѣ ученики скучаютъ. Школа—жизнь, прогрессъ, постепенное движеніе впередъ. Учитель долженъ сѣмѣть завлечь и увлечь своихъ питомцевъ. У большинства дѣтей школьнаго возраста мнѣ приходилось наблюдать стремленіе къ воспроизведенію внѣшняго міра, такъ сказать, зачатки творчества. Поэтому, я въ своей школѣ полчаса, а иногда часъ (до уроковъ или послѣ уроковъ) удѣлялъ рисованію, но не какъ предмету, а какъ своего рода пріятному отдыху или развлеченію. И не однимъ только рисованіемъ занимались дѣти: одни рисовали, другія вырѣзывали изъ бумаги разныя фигуры, были и „скульпторы“, вырѣзывавшіе изъ дерева китовъ, птицъ и т. п. Другимъ средствомъ развлечь заскучавшихъ учениковъ было пѣніе. Пѣть и рисовать очень любили. Сознаюсь, что иногда я позволялъ ученикамъ и поплясать подъ пѣніе, и ничего не вижу въ этомъ предосудительнаго. Необходимо

только и здѣсь, какъ всюду, сохранять мѣру. Μηδέν ἄρα—ничего лишняго. Это тоже слѣдуетъ помнить.

Маленькія дѣтскія головки, какъ извѣстно, работаютъ главнымъ образомъ въ области конкретныхъ понятій. Обобщать, отвлекаться дѣти научаются съ трудомъ. Я зналъ одну маленькую дѣвочку, у которой всѣ пастухи были „Федоры“, потому что мальчика, пасшаго коровъ въ сельцѣ, гдѣ эта дѣвочка жила лѣтомъ, звали Федоромъ. Поэтому всякій мальчикъ съ бичемъ при стадѣ животныхъ въ ея глазахъ былъ „Федоромъ“. „Мама, смотри, вонъ другой Федоръ!“ воскликнула однажды эта дѣвочка, увидѣвъ другого деревенскаго пастуха. Бываютъ подобные курьезы и со взрослыми. Какъ-то въ вагонѣ я слышалъ рассказъ одного рыбопромышленника о крестьянахъ одной деревушки, для которыхъ всякая рыба была карась. Рѣчка отъ этой деревушки была далеко, а въ барскомъ прудѣ водились исключительно караси. Рыбопромышленники не ѣздили. „Когда я привезъ въ деревню на продажу разной рыбы,—повѣствовалъ упомянутый выше промышленникъ,—то мужички обступили мой возъ и дивились новинкамъ. „Смотри, какихъ большихъ карасей онъ привезъ!“—кричали они, показывая на щукъ. Случай возможный. Мои школьники (особенно младшаго возраста) также путали различныя понятія, такъ что такую, напримѣръ, задачу: „мальчикъ поймалъ три карася, два окуня и четыре щуки. Сколько окуней поймалъ онъ?“ они на первыхъ порахъ разрѣшали такъ: 9 окуней. Пришлось нѣкоторое время пріучать ихъ къ различенію понятій. Эти занятія развивали вниманіе и самый процессъ перехода отъ конкретнаго къ отвлеченному ихъ заинтересовывалъ. Все это, кромѣ того, пріучало ихъ вдумчиво относиться къ словамъ. Я знаю, что повторяю „банальности“. Но я знаю также, что многіе изъ учителей упу-

скаютъ изъ виду эти „банальности“. А между тѣмъ школа, пренебрегающая этою постепенностью развитія, теряетъ въ значительной степени интересъ для своихъ питомцевъ, которые, не приученные къ подобному анализу, рабски „поютъ съ чужого голоса“, развивая больше память, нежели сообразительность. Въ двухъ-трехъ школахъ, которыя я наблюдалъ, ученики поражали прямо-таки своей неспособностью анализировать и развитіемъ за-то памяти. Учитель долженъ знать, что ни одна школа—ни низшая, ни высшая, не въ состояніи растолковать каждое слово своимъ ученикамъ, да и не должна браться за эту задачу. Задача всякаго учителя сводится къ тому, чтобы постепенно развить и укрѣпить въ ребенкѣ способность анализа и указать ему путь къ синтезу. Вотъ почему я врагъ всевозможныхъ методикъ, построенныхъ исключительно на индукціи. Односторонность и скучна, и вредна.

Что касается меня, то я, по крайней мѣрѣ, съ учениками старшаго отдѣленія, мальчиками болѣе или менѣе уже довольно развитыми, проходя ариметику, держался почти исключительно дедуктивнаго пути. Я писалъ на доскѣ какое-нибудь арифметическое правило. „Заставлялъ“ cadaго ученика прочесть написанное раза три, потомъ повторить правило наизусть, отвернувшись отъ доски. Стиралъ. Снова просилъ повторить правило хоромъ. Затѣмъ повторялъ самъ, и тотчасъ-же переходилъ къ примѣрамъ. Когда ученики въ достаточной степени на примѣрахъ выяснили себѣ правило, я предлагалъ каждому составить три-четыре примѣра лично самому и доказать такимъ образомъ правило. Благодаря такому приему, развивались одновременно и память, и сообразительность, и самодѣятельность. Тому, кто нашель-бы такой способъ утомительнымъ, я отвѣчу, что только благодаря ему я могъ сообщить

ученикамъ болѣе точныя свѣдѣнія о дробяхъ (простыхъ и десятичныхъ), чѣмъ тѣ механическіе отрывки знаній, которыя рекомендуются методикой арифметики (по моему, очень неудовлетворительной) г. Вишнеvsкаго, принятой въ томъ уѣздѣ. Приобрѣтаемая школой свѣдѣнія, кромѣ того, располагались въ извѣстной системѣ, что придавало занятіямъ характеръ нѣкоторой научности. „Нѣкоторая научность“, я думаю, не порокъ и въ земской школѣ. Опытъ показалъ, насколько утомляютъ и раздражаютъ учителя устные уроки. Вредно отзываются они, слѣдовательно, и на ученикахъ. Для развитія-же мысли необходимо спокойствіе. Вотъ почему я избѣгалъ устныхъ задачъ по арифметикѣ. Я выработалъ извѣстный планъ рѣшенія задачъ, котораго должны были держаться мои ученики. Послѣдовательный ходъ мысли цѣликомъ обозначался на этомъ планѣ. Ученикъ рѣшалъ задачу молча, даже не читая вслухъ заданія. Я только спрашивалъ, понялъ-ли онъ условія. Если „да“—работа продолжалась, если „нѣтъ“, то я предварительно объяснялъ условія задачи. По окончаніи рѣшенія, я провѣрялъ правильность плана, давалъ нѣсколько вопросовъ, и этого для меня было достаточно, чтобы убѣдиться въ знаніяхъ и степени сообразительности ученика. Нужно замѣтить, что такимъ путемъ мы рѣшали довольно сложныя задачи изъ сборника г. Верещагина. Этотъ-же способъ давалъ мнѣ возможность заниматься одновременно со всѣми тремя отдѣленіями, принимая участіе въ работѣ всего класса. Если-же читатель обратитъ вниманіе на то, что вотяки плохо объясняются по-русски, то онъ пойметъ всю цѣлесообразность подобнаго рода веденія дѣла. Тому-же, кто сказалъ-бы мнѣ, что устные занятія способствовали-бы усвоенію вотяками русской рѣчи, отвѣчу, что эта цѣль преслѣдовалась мною на урокахъ чтенія и Закона Бо-

жя. Я думаю, моя метода способствовала также и тому, что ученики пристрастились къ ариѳметикѣ и очень любили заниматься ею и послѣ уроковъ. Только болѣзнь удерживала ученика отъ присутствія на вечернихъ занятіяхъ, которыя не были, однако, обязательными. Какими оживленными дѣлались фізіономіи этихъ мальчиковъ (учениковъ старшаго отдѣленія; только съ нимъ однимъ я занимался по вечерамъ) на этихъ занятіяхъ! Какъ они радовались удачно составленному примѣру, разрѣшенію трудной задачи. Привыкнувъ досканально разбирать каждую задачу, они отказывались отъ нея только тогда, когда убѣждались, что задача имъ не по силамъ. Иначе добивались-таки своего. Помню, что, желая какъ-то помочь своимъ ученикамъ рѣшить задачу о размѣрахъ Ноева ковчега, я сдѣлалъ ошибку въ вычисленіяхъ (цыфры получались очень большія). Дня два возились ученики надъ задачей, наконецъ съ гордостью заявили, что „задачу сдѣлали“ и указали мнѣ мою ошибку. Особенно обрадовались мои школьники, когда я объяснилъ имъ дѣйствія надъ дробями. По всей деревнѣ разнесли они вѣсть, что Д. К. рассказалъ имъ о дробяхъ. Хозяинъ школьнаго помѣщенія, запасный унтеръ-офицеръ, „проходившій“ дробь въ учебной командѣ, явился посмотреть, какъ-то обходятся съ дробями,—этой высшей, по его мнѣнію, „мудростью“,—ученики моей школы, и долженъ былъ сдѣлать горькое признаніе, что вотяки „перещеголяли“ его своими познаніями.

Чтобы расширить кругозоръ школьниковъ, я ежедневно послѣ обѣда, минутъ за 15—20 до начала урока, читалъ имъ разныя допущенныя въ школьныя бібліотеки брошюрки. Читались главнымъ образомъ книжки „Читальни народной школы“. Нѣкоторые рассказы производили сильное впечатлѣніе на мою юную аудиторію. Для примѣра укажу на рассказъ

Станюковича „Куцый“, гдѣ симпатіи слушателей привлекъ пьяница матросъ съ своей умной собакой, а сухой, безсердечный нѣмецъ-лейтенантъ, распорядившійся утопить „Куцаго“, вызвалъ ихъ антипатію. Съ удовольствіемъ прослушали они и „Анику-воина“ Савихина. Книжки „Добрый смѣхъ—не грѣхъ“ также нравились мальчикамъ. Особенно любили они перечитывать рассказы „Иванъ-Лодырь“. Нѣкоторые изъ рассказовъ ученики мои прямо-таки изучили и иногда мѣтко примѣняли тѣ или другія вычитанныя выраженія, то или другое названіе. „Ахъ ты, Иванъ Лодырь“—добродушно замѣчалъ, бывало, какой-нибудь мальчикъ по адресу своего товарища, выказывавшаго намѣренія сплутовать. „Онъ чисто „чума турецкая“ (выраженіе изъ сказа „Куцый“),—говорили они про какого-нибудь сердитаго, бездушнаго крестьянина. Пробовалъ читать Пушкина, но онъ оказался мало понятнымъ моей аудиторіи. „Тарасу Бульбѣ“ посчастливилось больше, чѣмъ „Капитанской дочкѣ“. Пользовались успѣхами и нѣкоторыя популярныя книжки, напримѣръ, „Грѣхи темныхъ людей“, „Великія и грозныя силы природы“ и нѣкоторыя другія. Интересовались и книгами историческаго содержанія. Все это создавало общіе интересы между мной и школой и постепенно уменьшало размѣры той пропасти, которую вырыла между нами разнища въ образованіи.

V.

Юристы говорятъ, что невѣдѣніемъ законовъ отговариваться нельзя. Законы печатаются и особымъ порядкомъ публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Очень многіе изъ нихъ перепечатываются газетами. Значить, въ настоящее время „знать законъ“ равносильно „умѣть читать“ и „получать газету“. Но на

Руси еще очень много не умѣющихъ читать и еще большее количество не издавшихъ никогда и въ глаза газеты. Отсюда выводъ такой. Если желаете развитія правосознанія въ народѣ, постарайтесь, чтобы побольше было грамотныхъ и чтобы газета почаще проникала въ наши темныя захолустья. Въ этомъ отношеніи большую пользу могли-бы принести земскія газеты, организованныя на подобіе „Вятской газеты“. Но это не все. Нѣкоторые изъ публицистовъ рекомендуютъ введеніе въ наши начальныя школы законовѣдѣнія, какъ особаго предмета. Осуществимо ли это? Я думаю, что при 18—24 мѣс. нормальнаго курса для нынѣшнихъ земскихъ школъ это неисполнимо. Задача земской школы—научить читать и понимать прочитанное, и учитель долженъ быть вполне удовлетворенъ, если ему удастся достигъ хоть этого. Изучать-же отдѣльные предметы (которыхъ много, кромѣ законовѣдѣнія) рѣшительно некогда. Но желательно, чтобы составители книгъ для чтенія обращали побольше вниманія и на юридическій отдѣлъ своихъ сборниковъ, обрабатывали-бы его полнѣе и разностороннѣе. Кромѣ того, желательно, чтобы въ нашу деревню почаще проникали популярныя брошюры по правовѣдѣнію. И хрестоматіи, и популярныя книжки принесутъ пользу населенію, хоть нѣсколько разовьютъ въ немъ правосознаніе и помогутъ искорененію многихъ золъ деревенской жизни. Учителя также не должны пренебрегать правовыми запросами деревни: они должны развивать чувство законности въ своихъ питомцахъ, указывать на беззаконія, которыя нерѣдко творятся въ крестьянской средѣ, и знакомить ихъ съ законнымъ способомъ устраненія правовыхъ нарушеній. Большую пользу въ этомъ отношеніи принесло-бы будущимъ учителямъ изученіе законовѣдѣнія въ учительскихъ семинаріяхъ. Но и помимо учительской семинаріи, учи-

теля должны пополнять этотъ недостатокъ въ знаніяхъ чтеніемъ доступныхъ ихъ пониманію юридическихъ книгъ. Деревня-же жаждетъ правовыхъ знаній, какъ жаждетъ и медицинскихъ, и богословскихъ, и естественно-историческихъ и пр. и пр. Не даромъ-же, какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ запросъ крестьянства, въ деревняхъ и селахъ появляются все въ большемъ и большемъ количествѣ разнаго рода „аблакаты“, „ходатели“, которые зачастую, пользуясь темнотою народа, „ловятъ рыбу въ мутной водѣ“. Школа не должна упускать всего этого изъ виду: она обязана дать своимъ ученикамъ понятіе о правѣ, сообщить кое-какія (самыя необходимыя) практическія свѣдѣнія юридическаго характера и тѣмъ самымъ содѣйствовать искорененію всѣхъ этихъ деревенскихъ „плутовъ-аблакатовъ“. Не слѣдуетъ также забывать, что нѣкоторымъ изъ питомцевъ школы придется быть старостами, старшинами, волостными судьями. Знаніе своихъ правъ и обязанностей для нихъ прямо необходимо. Но необходимо это знаніе и для тѣхъ, которымъ не придется активно участвовать въ управленіи. Приобрѣтенныя юридическія свѣдѣнія помогутъ имъ правильнѣе контролировать своихъ ставленниковъ. Случаи беззаконій, совершаемыхъ мелкимъ деревенскимъ начальствомъ именно въ силу его невѣжества, тогда навѣрное будутъ рѣже.

Я въ своей школѣ нерѣдко-таки затрагивалъ вопросы права, и мои ученики очень ими интересовались и охотно усваивали сообщаемыя имъ знанія. Все имъ хотѣлось знать: и кто кому подчиненъ, и какъ то-то сдѣлать по закону и что будетъ вотъ за это. Въ деревняхъ распространена лотерея, которой нерѣдко занимаются и урядники, нарушая этимъ прямую свою обязанность „предупреждать и пресѣкать“ эту незаконную игру. Дѣти любятъ подражать взрослымъ. И вотъ мои мальчуганы вздумали одна-

жды разыграть какую-то вещь въ школѣ. Я ихъ остановилъ и тутъ-же прочелъ 265 ст. Устава о пред. и пресѣч. прест.: „разыгрываніе въ лотерею вещей, объявленіе объ иностранныхъ лотереяхъ etc. не иначе могутъ быть производимы, какъ съ дозволенія правительства“. Статью эту я, разумѣется, объяснилъ ученикамъ, и съ тѣхъ поръ попытка разыграть что-либо въ лотерею вызывала протестъ нѣкоторыхъ малышей: „по закону нельзя“, „надо спрашивать разрѣшеніе у министра“. Въ другой разъ пришлось сослаться на законъ, когда въ нашей мѣстности стали развѣзжать торговецъ съ испорченной рыбой. Одинъ изъ вотяковъ принесъ такую рыбину въ школу и распространилъ по всей избѣ страшное зловоніе. Ученики тотчасъ-же отворили дверь и, заткнувъ носы, прибѣжали въ мою комнату, жалуясь на „не опрятнаго“ товарища, который „весь воздухъ испортилъ“.

Я отобралъ рыбу и указалъ школьникамъ, что продажа такой рыбы запрещается закономъ и торговца за это можно наказать. Въ подтвержденіе своихъ словъ я прочелъ имъ статью 115 Устава о наказаніяхъ, налаг. миров. судьями, объяснивъ при этомъ способъ привлеченія къ отвѣтственности. „Староста не составилъ протокола только потому, что по малограмотности не знаетъ своихъ правъ и обязанностей и не понимаетъ, какой вредъ здоровью* можетъ причинить такая испорченная рыба. Когда вы будете взрослыми и кто-либо изъ васъ станетъ старостой, то, надѣюсь, иначе отнесетесь къ подобной торговлѣ“, сказалъ я имъ въ видѣ „назиданія“. Статья закона заинтересовала учениковъ: нѣкоторые тутъ-же переписали ее, другіе просили прочитать еще разъ, и нерѣдко послѣ этого ученики просили посмотреть законъ „насчетъ вонючей рыбы“. „А то, можетъ, еще ее повезутъ, такъ мы его (законъ-то) скажемъ торговцу“.

Обращались школьники и съ просьбой найти „статью“, карающую за обмѣръ и обвѣсъ, справлялись въ законахъ и о воинской повинности. Словомъ, какъ только деревенская жизнь выдвигала какое-нибудь событіе, которое можно освѣтить при помощи права, мои школьники сейчасъ-же осаждали меня вопросами. Книжки „Свода Законовъ“ были у меня подъ руками, и отвѣчать было не трудно. Хорошо было-бы, если-бы земства взяли на себя трудъ снабдить свои школы хотя-бы нѣкоторыми изъ томовъ „Свода“. Я-бы рекомендовалъ, какъ необходимую книгу, „Уложеніе о наказаніяхъ“, такъ какъ его нерѣдко въ деревняхъ „преступаютъ“. Менѣе необходимы „Уставы судопроизводства“ и X т. 1 ч. Я думаю, матеріальныя затраты не могутъ остановить земствъ, т. к. „Уложеніе“ стоитъ всего 50 к. Учителя, съ своей стороны, время отъ времени должны знакомить своихъ питомцевъ съ содержаніемъ находящихся у нихъ книжекъ законовъ. Съ чѣмъ нужно знакомить, покажетъ сама жизнь. Потребность-же „знать законъ“ у крестьянъ несомнѣнно есть. Одинъ изъ кончившихъ курсъ въ моей школѣ подростокъ цѣлыми часами усидчиво переписывалъ „Уложеніе о наказ.“. Сельскій писарь неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбой найти законъ о томъ-то. Мужички тоже не прочь были посоветоваться со мной о законахъ. Есть у крестьянъ и уваженіе къ закону. Школьники нерѣдко мнѣ заявляли, что вотъ тятка такого-то ученика собирается придти въ „училищу“ и побить такихъ-то ребятъ, обидѣвшихъ его сына. Но когда я сослался на 179 ст. X т. 1 ч., по коей „личная родительская власть не прекращается, а ограничивается поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, начальство коего заступаетъ тогда по ихъ воспитанію мѣсто родителей“, и объяснилъ своимъ малышамъ (а они, конечно, родителямъ), что

заступаться за своихъ учениковъ и наказывать ихъ въ школѣ имѣеть право только одинъ учитель, родители перестали вмѣшиваться въ школьное дѣло. „Это дѣло учителя. Я и *по закону* не долженъ въ него вмѣшиваться“, замѣчалъ тотъ или иной мужичокъ, когда ему совѣтовали или „пробрать“ учениковъ, или сказать учителю, что онъ не „по-крестьянски“ (т. е. [не по-крестьянски) учить. Ссылка на законъ спасала меня и отъ неотвязчивыхъ просьбъ принять въ видѣ подарка (даваемого не безъ корыстной цѣли) или десяточекъ яицъ, или фунтикъ меду, которые предлагали мнѣ родители учениковъ, когда я бывалъ у нихъ въ гостяхъ.

„Законъ не велить“, категорически заявлялъ я въ подобныхъ случаяхъ. „Ну, коли законъ не позволяетъ, то нельзя“, вторилъ мнѣ хозяинъ, удаляясь съ своими приношеніями.

Развивъ чувство законности, учитель вмѣстѣ съ тѣмъ поселилъ въ своемъ ученикѣ и уваженіе къ чужой и своей личности. Ученикъ будетъ знать уже со школьной скамьи, что безнаказанно оскорблять нельзя: Все это въ свой чередъ внесетъ „порядочность“ въ крестьянскія отношенія: уменьшится и взяточничество, и кумовство, столь распространенныя въ деревнѣ... Какъ-бы тамъ ни было, читатель, а наша деревня въ смыслѣ развитія чувства собственного достоинства (да простятъ мнѣ сей неуклюжій оборотъ) сдѣлала большой шагъ впередъ, и нашъ мужикъ далеко уже „не святая скотина“ (какъ говорить Бѣлоголовый). Въ этомъ, къ великому своему изумленію, убѣдился и мой сосѣдь—волостной писарь, позволившій себѣ въ пылу гнѣвнаго самодурства толкнуть вотяка-старосту, который за это пожаловался на писаря земскому начальнику и заставилъ-таки его извиниться. Передъ самымъ объясненіемъ съ земскимъ, писарь, встрѣтившись со мной,

завелъ такой разговоръ. „Нѣтъ, вы сами, Д. К., посудите. Каково это просить извиненіе у *вотьяка*? Вѣдь, это вонючая скотина. Развѣ его можно оскорбить? Развѣ у скотины подобаешь просить прощенія? А? Я васъ спрашиваю, Д. К.“—„Значить не скотина,—отвѣтилъ я,—если оскорбляется, когда его бьютъ, а человѣкъ, когда просить извиниться“.—„Ни за что не стану извиняться передъ нимъ. Этого отъ меня земскій не добьется“,—храбрился мой писарь. Извиниться его все-таки заставили, да, кромѣ того, перевели отъ соблазна въ другое село.

Да, читатель, и „мыши“, какъ дразнить вотяковъ, начинаютъ понимать, что „драться“ безнаказанно нельзя. Но все-же это не даетъ права складывать руки и безучастно относиться къ темнотѣ народной. Итакъ, *laboremus*.

VI.

У меня подъ руками отчетъ одного изъ инспекторовъ начальныхъ училищъ. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, говорится:

«При первомъ-же моемъ осмотрѣ начальныхъ училищъ, какъ въ городѣ, такъ и въ селеніяхъ, оказалось, что въ школахъ по одному и тому-же предмету практикуются самые разнообразныя учебники, напр., по объяснительному чтенію въ первыхъ училищахъ читаютъ книжки Толстого, въ другихъ Ушинскаго, въ 3-хъ Баранова, въ 4-хъ Бунакова и т. д.; по ариметикѣ въ однихъ школахъ проходитъ (sic) задачникъ Евтушевскаго, въ другихъ Вишневецкаго и т. п. Такое разнообразіе учебниковъ въ школахъ одной мѣстности, съ однимъ и тѣмъ-же курсомъ, въ высшей степени неудобно, какъ по причинамъ педагогическимъ, такъ и по снабженію школъ этими учебниками, — помимо уже того, что не все упомянутыя учебники одинаково хороши и пригодны для нашихъ школъ».

Въ другомъ мѣстѣ этого не особенно складнаго образца канцелярскаго літературы находится и объясненіе такого разнообразія въ учебникахъ:

«Такой беспорядокъ въ распредѣленіи учебниковъ я объясняю

тѣмъ, что для лица, завѣдывающаго (вѣроятно, завѣдывавшаго) учебною частью, было безразлично: что и какъ и почему учить, *каждый учитель и учительница избирали себѣ по сердцу учебникъ*, просили управу о выпискѣ, управа выписывала и высылала».

Итакъ, въ школахъ, ввѣренныхъ этому инспектору, царилъ безпорядокъ, заведенный, по моему толкованію, лицомъ, „завѣдывавшимъ“ (а не „завѣдывающимъ“, какъ сказано въ отчетѣ) учебною частью, т. е., по-просту, предшественникомъ этого инспектора. Авторъ-же цитированныхъ строкъ принялъ мѣры къ уничтоженію безпорядка („нынѣ этотъ безпорядокъ прекращается“, скромно говорится въ отчетѣ) и порекомендовалъ земству ввести одни и тѣ-же учебники (Баранова и Вишневскаго) во всѣ школы.

Въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ отчета обращаютъ вниманіе слова: „каждый учитель и учительница избирали себѣ по сердцу учебникъ“. Можетъ быть, это иронія, а можетъ быть констатированіе факта. Вѣроятно-же всего, ироническое констатированіе факта, подмѣченнаго, но не продуманнаго г. инспекторомъ. Иронизировать-же, собственно говоря, не надъ чѣмъ.

Для учителя нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ преподавать по тяжелому и не нравящемуся ему учебнику. Въ этомъ случаѣ онъ работаетъ, что называется, изъ-подъ палки и радъ-радехонекъ, когда найдетъ руководство „по-сердцу“, а обстоятельства не помѣшаютъ вести дѣло по „симпатичному“ ему учебнику. Цитированный мною инспекторъ для изгнанія „разнообразія“ и водворенія „однообразія“ ввелъ (какъ я уже упомянулъ) Баранова и Вишневскаго, т. е. именно то, что не безъ основанія избѣгалось нѣкоторыми учителями, какъ тяжелое и неудобопонятное. О г. Барановѣ много уже говорилось въ нашей періодической печати, такъ что этотъ состави-

тель едва-ли можетъ найти серьезныхъ защитниковъ своей книги. Методика и задачникъ г. Вишневскаго, написанные ляпидарнымъ слогомъ и не безъ серьезныхъ погрѣшностей, то-же не могутъ претендовать на благосклонность педагогической критики.

Повторяю, что учитель, лишенный возможности хоть изрѣдка освѣжиться на другихъ учебникахъ, будетъ вести дѣло механически, не вкладывая въ него души, что такъ необходимо для школы. Объ ученикахъ и говорить нечего. Сами они тѣмъ-же Барановымъ увлечься не могутъ, а не расположенный къ учебнику учитель не вдохнетъ любви къ нему и въ школьничковъ. И будетъ вестись дѣло изо дня въ день, „отселева и доселева“, безъ всякаго къ нему интереса. Школа будетъ прозябать, живая учительская дѣятельность превратится въ „поденщину“, что, конечно, не помѣшаетъ иному учителю и его ученикамъ отличиться на ревизіяхъ. Книжка „по-сердцу“, даже и хрестоматія, много значить. У меня подъ руками, кромѣ обязательныхъ Баранова и Ушинскаго („Родное Слово“, ч. 2), были еще и „Нашъ другъ“, бар. Корфа, и „Первая пчелка“ Поливанова (по одному экземпляру). Время отъ времени мы читали и эти книги.

Такое параллельное чтеніе расширяло кругозоръ моихъ школьничковъ *).

Иногда я, чтобы провѣрить вкусъ и критическое чутье моихъ учениковъ, задавалъ имъ вопросы: „А какая изъ этихъ хрестоматій вамъ больше нравится?“ Относительно Ушинскаго и бар. Корфа возникало еще сомнѣніе, кому изъ нихъ отдать пальму первенства. Баранову-же всѣ безусловно отводили послѣднее

*) Министерскія программы, какъ извѣстно, даже рекомендуютъ чтеніе находящихся въ школьной библіотекѣ книгъ, доступныхъ дѣтскому пониманію.

мѣсто. Бывало и такъ, что ученики старшаго отдѣленія, въ которомъ полагается читать „книгу для класснаго чтенія“ Баранова, просили меня читать съ ними „Родное Слово“. Замѣчу, что самъ я отъ высказыванія мнѣнія о книгѣ Баранова воздерживался.

Думается, что книгъ „не по сердцу“ рекомендовать не слѣдуетъ, и тотъ, кто вводитъ учебники, интересные для учениковъ и учителя, оказываетъ хорошую услугу школьному дѣлу. Но можетъ-ли инспекція быть всегда компетентнымъ судьей въ дѣлѣ назначенія руководствъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Инспектора, за немногими исключеніями, не знакомы съ деревенскою жизнью такъ, какъ знакомы съ ней, напр., сельскіе учителя; многіе изъ нихъ не занимались ни теоретически, ни практически педагогикой, большою процентъ инспекторскаго персонала не знаетъ и условій мѣстной жизни, для которой они сплошь и рядомъ люди новые, пришлые. Слѣдовательно, если признать за правильное, что во всѣхъ областяхъ обширной Россійской Имперіи нельзя достигнуть однообразія въ учебникахъ, съ одной стороны, и что это однообразіе прямо-таки необходимо по многимъ причинамъ для каждой области въ отдѣльности— съ другой, то спрашивается, кому-же предоставить выборъ руководствъ и пособій? Я думаю, что только учительскіе съѣзды могли-бы выполнить это дѣло съ успѣхомъ. Учитель, который въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени „протиралъ“ и глазами, и руками тѣ или другіе учебники, знаетъ ихъ достоинства и недостатки навѣрное лучше самихъ авторовъ, изъ которыхъ большинство помнитъ содержаніе своихъ книгъ только въ общихъ чертахъ, совершенно не подозрѣвая того, что въ какой-нибудь Коршуновкѣ или Ястребовкѣ есть учителя и ученики, цитирующіе ихъ хрестоматіи на память. На

съѣздѣ учителя путемъ обмѣна мнѣній придутъ къ болѣе или менѣе единообразному рѣшенію вопроса о томъ, какой изъ учебниковъ считать наиболѣе подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ. Выбравъ такой учебникъ, они уже навѣрное не будутъ такъ часто кидаться отъ Баранова къ Толстому, отъ Ушинскаго къ Бунакову. И не для одного только „однообразія въ учебникахъ“ нужны учительскіе съѣзды. Они необходимы вообще для введенія всякаго „однообразія“ и для уничтоженія всякаго „разнообразія“, царящаго въ нашихъ школахъ. Учительскіе съѣзды выработали-бы нѣкоторое „однообразіе“ и въ педагогическихъ приемахъ, и въ дисциплинарныхъ мѣрахъ, и въ порядкѣ отчетности. Я уже не говорю о томъ образовательномъ и воспитательномъ значеніи, которое могутъ имѣть для учителей съѣзды. Не касаюсь также и другого вопроса, насколько эти съѣзды поднимутъ такъ часто падающую энергію нашихъ деревенскихъ педагоговъ. Все это ясно и понятно каждому. Кто-то сказалъ: „вещи познаются по сравненію“. Отсюда можно вывести такое заключеніе: „внѣ сравненія нѣтъ познанія“. Когда я представляю себѣ нашего земскаго учителя (да и не его одного), то убѣждаюсь въ справедливости сдѣланнаго вывода. Наши учителя не знаютъ своихъ школъ; они не могутъ судить объ ихъ программѣ, такъ какъ не сравниваютъ своихъ школъ съ другими. Я лично замѣтилъ отсутствіе такого знанія на себѣ и провѣрилъ на товарищахъ. Никто изъ насъ не сопоставлялъ своихъ школъ. „Какъ успѣхи вашей школы?“ — спросишь, бывало, какого-нибудь учителя. — „А я почему знаю? Я въ своемъ дѣлѣ не судья“. А между тѣмъ можно и должно быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Каждый сапожникъ, каждый портной лично производитъ оцѣнку своей работы. Онъ знаетъ по сравненію ея достоинства и недостатки. И школьное дѣло не су-

дебный процессъ. Учитель путемъ сравненія своей школы съ другими могъ-бы судить объ ея успѣхахъ. Когда я убѣдился, что не могу вполне правильно оцѣнить достоинствъ и недостатковъ своей школы, то первую мысль, пришедшей мнѣ въ голову, было: сравнить степень подготовки своихъ учениковъ съ уровнемъ познаній воспитанниковъ сосѣднихъ школъ. Весною, когда сообщеніе становится болѣе удобнымъ (въ той мѣстности), я съ своими учениками посѣтилъ два или три сосѣднія земскія училища. Ущербъ школьному дѣлу отъ этого не произошло ровно никакого. Учителя, которые сами приглашали меня произвести, такъ сказать, сравнительную оцѣнку, занимались одновременно и съ своими, и съ моими учениками, спрашивали тѣхъ и другихъ. Занимался подобнымъ образомъ и я самъ. Потомъ мы сравнивали и производили оцѣнку. Помимо того, что такой способъ даетъ возможность сравнивать и судить, онъ хорошъ еще и тѣмъ, что сближаетъ учениковъ разныхъ школъ, которыя сплошь и рядомъ бываютъ настолько отчуждены, что становятся прямо во враждебныя отношенія. Учителямъ подобное „взаимное“ обученіе также приноситъ пользу: каждый изъ нихъ на преподаваніи другого провѣряетъ достоинства и недостатки собственныхъ педагогическихъ приѣмовъ. Здѣсь у мѣста сказать и о благородномъ соревнованіи, которое можетъ возникнуть у учителей и у ихъ учениковъ. Словомъ, получаютъ въ нѣкоторомъ родѣ съѣзды въ миниатюрѣ.

Я началъ свой настоящія замѣтки выдержками объ учебныхъ пособіяхъ. Не лишнимъ считаю еще поговорить и о нихъ.

Почему-бы въ наши низшія школы не ввести въ качествѣ учебнаго пособія волшебнаго фонаря? Наглядность, какъ извѣстно, проповѣдуется всеми методиками. Представленія образуются раньше понятій.

Картины сильно запечатлѣваются въ дѣтскомъ умѣ, и дѣти любятъ картины. Все поэтому говорить за волшебный фонарь. Всякому законоучителю (особенно въ инородческихъ селеніяхъ) извѣстно, какъ трудно усваивается деревенскими мальчиками священная исторія. При помощи-же волшебнаго фонаря этотъ трудъ облегчился-бы. Батюшка, рассказывая ученикамъ о томъ или другомъ событіи изъ священной исторіи, одновременно съ этимъ показывалъ-бы имъ картины. У учениковъ была-бы передъ глазами картина, которая, запечатлѣвшись, вызвала-бы ассоціацію и о рассказѣ, и обратно—намекомъ на рассказъ вызывалъ-бы представленіе о запечатлѣвшейся картинѣ. Я останавливаюсь прежде всего на Законѣ Божіемъ въ виду его важности (особенно для инородцевъ) и въ виду трудности, съ какою онъ усваивается (особенно инородцами). Но никто не станетъ отрицать пользы волшебнаго фонаря и при преподаваніи другихъ предметовъ. О томъ-же, сколько жизни вноситъ въ школу волшебный фонарь, мнѣ нечего распространяться: объ этомъ много говорилось и писалось. Что касается осуществимости этой мысли, то, думается, постепенно каждое земство могло-бы завести въ своихъ школахъ волшебные фонари. Не мѣшало-бы ввести въ наши школы и досочки съ надписями: „не убивай и не разоряй гнѣздъ такой-то птицы или животнаго потому-то“, какъ это практикуется въ Германіи. А то не мало полезныхъ животныхъ уничтожается беззаботными деревенскими дѣтьми. Таблицы-же съ изображеніемъ того или другаго „друга“ земледѣльца, съ объяснительнымъ текстомъ подъ запрещеніемъ уничтожать подобное животное, произвести, конечно, извѣстное впечатлѣніе на учениковъ.

Отъ волшебнаго фонаря и другихъ предметовъ я перейду къ одной вещицѣ, о которой, повидимому,

совсѣмъ не думаютъ и которая между тѣмъ имѣетъ громадное значеніе. Я имѣю въ виду медицинскій термометръ. Очень немногія, сравнительно, училища находятся тамъ, гдѣ имѣются врачебный и фельдшерскій пункты, между тѣмъ какъ учителю очень нерѣдко приходится имѣть дѣло съ больными. На глазъ и на оцущь очень трудно опредѣлить степень опасности начавшейся болѣзни. Когда-же у учителя имѣется въ рукахъ термометръ, эта затруднительность значительно облегчается. Болѣе или менѣе сильное отклоненіе ртутнаго столба отъ нормы укажетъ ему, насколько необходима врачебная помощь. Объективное показаніе термометра дастъ учителю нравственное право вызвать немедленно врача или фельдшера, которые нерѣдко (и не безъ основанія) обижаются, когда ихъ тревожатъ по пустякамъ, представлявшимся, однако, требовавшему ихъ учителю серьезной опасностью. Земскія управы при помощи своихъ врачей легко могутъ составить инструкціи для учителей, объясняющія, при какихъ показаніяхъ термометра они должны немедленно вызвать врача. При тѣхъ большихъ оптовыхъ закупкахъ, какія дѣлаются нашими земствами, расходъ на термометры (небольшой и самъ по себѣ) будетъ очень не великъ. Учителя-же термометръ избавитъ отъ крайностей „преувеличенія“ и „преуменьшенія“ опасности болѣзни. Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ объективное измѣреніе температуры можетъ сыграть огромную роль: показанія термометра помогутъ, можетъ стать-ся, предупредить развитіе нѣкоторыхъ эпидемическихъ болѣзней. Нужно только, чтобы учитель не забывалъ, зачѣмъ ему присланъ термометръ и какое значеніе имѣютъ его показанія.

У меня былъ собственный термометръ, и я имъ пользовался. Помню такой случай. Услышалъ я, что боленъ одинъ изъ моихъ учениковъ. Я сейчасъ-же

бѣгу къ нему, захвативъ свой „градусникъ“. Мальчикъ лежитъ безъ памяти. Ставлю ему подъ мышку термометръ; температура 40°. Немедленно пишу записку къ фельдшеру и, упомянувъ о степени жара, прошу его поскорѣе прибыть къ больному. Отецъ больного не хотѣлъ сначала посылать за фельдшеромъ, полагаясь на „Осподню волю“. Я постарался убѣдить его, что Богъ велитъ заботиться о своемъ и чужомъ здоровьѣ и что „Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ“. Мужикъ оказался сговорчивымъ и послалъ за фельдшеромъ лошадь. Фельдшеръ скоро пріѣхалъ и нашелъ у больного оспу, противъ которой постарался принять мѣры. И это не единственный случай въ моей „практикѣ“, когда термометръ давалъ мнѣ право требовать немедленной врачебной помощи. О маленькихъ вещахъ очень часто забываютъ, что онѣ важны: такова судьба всего скромнаго. Такъ, вѣроятно, случилось и съ термометромъ, объ отсутствіи котораго въ нашихъ школахъ забываютъ даже земства, организующія для своихъ учителей курсы по гигиенѣ, и врачи, читающіе лекціи на этихъ курсахъ. О необходимости комнатнаго термометра я уже не говорю, а между тѣмъ не во всякой школѣ имѣется и этотъ приборъ. Да, о многихъ „важныхъ“ мелочахъ намъ еще надлежитъ позаботиться...

VII.

Задавали-ли вы себѣ, читатель, когда-нибудь такой вопросъ: почему Петръ I, такой великій знатокъ русской рѣчи и такъ искусно владѣвшій ею, навелъ эту самую рѣчь варваризмами? Петра I за это нерѣдко упрекали и упрекаютъ, но, думается мнѣ, безъ достаточнаго основанія, и вотъ почему.

Въ силу реформъ Петра заграничная жизнь на-

чала давать тонъ русской жизни, которая пошла ускореннымъ темпомъ. И самъ великій преобразователь, и его сподвижники, бывая за границею, вывозили оттуда слова, опредѣлявшія тѣ или другіе предметы, тѣ или другія отношенія западной жизни. Иностранцы, пріѣзжая къ намъ, также пускали въ оборотъ множество новыхъ словъ.

Въ силу свойства человѣческой природы передавать слышанное и видѣнное, эти принесенныя изъ за границы слова распространялись и по Руси, въ которой зачастую не было еще ни предметовъ, ни отношеній, обозначааемыхъ этими словами. Создавались такимъ образомъ названія безъ вещей. Если вещи не появлялись, то исчезали и названія, которыя, слѣдовательно, оказывались формой безъ содержанія. Но всякій вновь появившійся предметъ, о которомъ знали лишь по наслышкѣ, сразу освѣщаль и укрѣплялъ названіе, „привезенное“ до существованія этого самаго предмета въ русской жизни. Суть не въ словахъ, а въ вещахъ. И полагаю, что Петръ Великій потратилъ-бы много времени понапрасно, если-бы вздумалъ переводить всѣ привожденныя въ Россію варваризмы на отечественный языкъ, не говоря уже о томъ многословіи, которое повлекла-бы за собою такая передѣлка, такое сопоставленіе въ параллель современнаго (т.-е. иностраннаго) съ національнымъ. Очень много иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ со времени Петра и усвоенныхъ теперь обществомъ, нельзя передать по-русски однимъ словомъ: на одинъ придется употребить два, на другія три и болѣе словъ. Жизнь-же требуетъ упрощенія, а не усложненія отношеній. Эта тенденція дѣйствительности наблюдается и относительно языка. Теперь отъ прошедшаго обратимся къ настоящему, отъ исторіи къ современности, и поставимъ себѣ такой вопросъ: на какомъ языкѣ должно

вестись преподаваніе въ школахъ съ малокультурнымъ инородческимъ составомъ? Я постараюсь, насколько могу, рѣшить этотъ вопросъ относительно вотяковъ, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать. Но думается, что мои выводы, если они окажутся правильными, mutatis mutandis, „съ перемѣною того, что слѣдуетъ перемѣнить“, могутъ быть примѣнены и къ прочимъ инородцамъ. Современные вотяки находятся въ почти такомъ-же отношеніи къ русскому населенію, въ какомъ петровская Россія находилась къ Западу. Русская жизнь даетъ тонъ вотской, русскія отношенія и языкъ съ жадностью усваиваются вотяками. Русь начала XVIII вѣка, вступая въ сношеніе съ Европой, была все-таки культурнѣе большинства современныхъ вотяковъ, однако и она не могла обойтись безъ варваризмовъ: въ ея богатомъ и гибкомъ языкѣ не оказалось многихъ и многихъ словъ, которыя пришлось-таки взять на прокатъ у Запада. Что-же сказать о вотякѣ съ его тощимъ лексикономъ и его неспособностью создавать отвлеченныя понятія?

О немъ можно сказать только одно: чѣмъ скорѣе усвоитъ онъ русскую рѣчь, тѣмъ скорѣе примкнетъ къ русской культурѣ и тѣмъ вѣрнѣе избѣжитъ гибели. Между тѣмъ существуетъ мнѣніе, имѣющее авторитетныхъ защитниковъ, по которому „слово Божіе должно быть распространяемо между инородцами на ихъ родныхъ языкахъ“. Это взглядъ миссіонерства. Но миссіонеры, заслугъ которыхъ я не думаю отрицать, имѣли дѣло главнымъ образомъ со взрослымъ населеніемъ. Они проповѣдывали уже людямъ сложившимся, о передѣлкѣ которыхъ нельзя было и помышлять. Но теперь миссіонеровъ смѣняетъ школа. Должна-ли и она держаться миссіонерской программы, или-же для нея можетъ быть выработанъ свой особый планъ? Да, полагаю, можетъ и

долженъ быть выработанъ свой планъ. Миссіонеры спѣшили, на-скоро познакомились съ инородческими языками, переводили на-скоро на эти языки библію и молитвы, проявляя сплошь и рядомъ отсутствіе филологическаго чутья, и только *приблизили* инородцевъ къ русскимъ. Школа-же должна *приобщить* этихъ иноплеменниковъ къ великому русскому народу. Не буду голословенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постараюсь избѣгать и скуки, какую нагоняютъ на непривычныхъ читателей спеціальныя изслѣдованія. Поэтому, въ своихъ „этнографико-лингвистическихъ“ изысканіяхъ буду по возможности кратокъ. У почтеннаго о. Н. Н. Блинова въ его книгѣ „Языческій культъ вотяковъ“, на стр. 72-й, читаемъ: „Сопоставляя текстъ переводчиковъ съ молитвенными призываніями вотяковъ, трудно рѣшить вопросъ, кто къ кому примѣнялся. Видимо переводчики желали оказать инородцамъ-язычникамъ снисхожденіе къ ихъ малому умственному развитію; но это была жестокая услуга: высокое христіанское ученіе дано вотякамъ подноровленнымъ подъ матеріалистическія воззрѣнія полудикарей. *Вмѣсто того, чтобы съ новыми догматами въры преподавать и выраженія новыя, священныя для каждаго христіанина, переводчики замѣнили ихъ названіями „боговъ“ урало-алтайскихъ народовъ“* (курсивъ мой).

Золотыя слова, съ которыми долженъ согласиться всякій, мало-мальски знакомый съ вотяками. Въ самомъ дѣлѣ, „Духъ“ переводится вотскимъ Луль, что обозначаетъ „бытіе“ (вѣрнѣе „бытье“), жизнь и, пожалуй, съ нѣкоторой натяжкой, душа (отъ глагола луыны жить, быть; луо—живой), или-же словомъ „бусъ“, значащимъ воздухъ, паръ (отъ дыханія); ангель—словомъ „кылдычинъ“, рождающееся (кылдыч) небо (инь); Троица переводится кунь-мурто. Кунь—три; муртъ—человѣкъ. Муртъ соотвѣтствуетъ

нѣмецкому „Mann“ (человѣкъ, мужчина). Какое-бы представленіе получилось въ головѣ нѣмца, когда-бы ему сказали, что Троица, это — drei Männer, три человѣка, три мужчины. Можете теперь вообразить, какую путаницу подобныя переводы производятъ въ головахъ вотяковъ. Правда, вотякъ, прошедшій школу, понимаетъ нелѣпость поддѣлокъ подъ его языкъ, но вѣдь этимъ онъ обязанъ грамотѣ и знанію русскаго языка.

У того-же о. Н. Н. Блинова приведена слѣдующая выдержка изъ довольно извѣстной монографіи проф. Смирнова „Вотяки“: „Съ своими святыми и тремя ипостасями божества христіанство показалось (вотякамъ) удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогли, между прочимъ, и сами миссіонеры. Инмаръ, Кылдысинъ и Квазь слились съ христіанскимъ Богомъ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ; воршуды—съ ангелами (хранителями), а отдѣльныя святыя съ духами явленій природы—Нулесь-муртъ (нашъ лѣшій), съ Николаемъ Чудотворцемъ“ (ibidem, стр. 72). Здѣсь не мѣсто касаться вопроса, насколько и почему слились. Для меня важно только подтвержденіе мысли, что миссіонеры своими переводами внесли путаницу въ понятія вотяковъ.

Я, лично, на первыхъ порахъ, по неопытности, вздумалъ было заниматься по „Учебнику для вотяковъ“ Ислентьева (читали переводы изъ священнаго писанія), но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ этой мысли: ученики понимали мою русскую рѣчь гораздо лучше, чѣмъ quasi-вотскій языкъ „Учебника“. Но у меня дѣло обошлось все-таки безъ „приключеній“, которыя бывали съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, тоже обращавшихся къ названной книжкѣ. Такъ, одна учительница передавала мнѣ, что при чтеніи одной фразы ученики ея „прыснули“ отъ смѣха, а слушавшая чтеніе старуха-вотянка (дѣло

было не въ школѣ, а на квартирѣ учительницы; происходило такъ называемое „внѣклассное“ чтеніе) съ укоромъ замѣтила: „ай-ай, не кóрошо ты это ска-заль, С. В. Мальчики и дѣвочки такъ не дѣлають“. Фраза была неприлична.

Словомъ, куда ни кинь, все клинь. Въ учебни-кахъ для вотяковъ попадаются неприличные фразы (чего составители, переведившіе съ чужого голоса, конечно, и не подозрѣвали). Миссіонеры помогли религіозному компромиссу. И все это произошло отъ того, что вздумали богатый и гибкій русскій языкъ втиснуть въ рамки неуклюжаго и бѣднаго нарѣчія вотяка, который самъ по себѣ, безъ посторонняго вмѣшательства, съ жадностью „впитываетъ“ русскія слова, сильно при этомъ ихъ искажая. Такъ, „воля“, въ устахъ вотяка звучитъ „воля“, „время“— „время“, „вѣсы“— „вѣса“, „виновать“— „винамать“, „вовсе“— „воксé“, „дѣготь“ — „тэкитъ“, „дробь“ — „дропъ“, „звѣрь“— „извѣрь“, „левъ“ — „лепъ“, „барабанъ“— „дарабанъ“, „сапогъ“— „сапэгъ“, „капуста“— „кабы-ста“ и т. д. (Всѣхъ этихъ словъ и множества дру-гихъ въ вотскомъ лексиконѣ нѣтъ). Жизнь смѣялась надъ почтенными просвѣтителями: въ то время какъ они старались переводить съ русскаго на вотскій, вотскій языкъ самъ переводился на русскій, если такъ можно выразиться. Я уже упомянулъ въ своей первой статьѣ о страстномъ желаніи и какомъ-то инстинктивномъ стремленіи вотяка обрусѣть. „Рус-скóй дѣлай моего парня, дѣлай русскóй“, просить онъ за своего сына. И школа должна идти на по-мощь этому страстному порыву бѣдной „мыши“. Мысль-же переводить священное писаніе и учебники на вотскій языкъ должна быть оставлена, какъ без-плодная и даже вредная. Курсъ въ вотскихъ шко-лахъ долженъ продолжаться пять лѣтъ (министер-скія программы допускають четырехгодовой курсъ

въ инородческихъ школахъ, но только *допускають*). Первые два года въ вотяцкихъ школахъ должны быть посвящаемы исключительно занятіямъ русской рѣчью. Для облегченія труда необходимо снабдить каждаго учителя русско-вотскимъ и вотско-русскимъ слова-ремъ (желательны мѣстные словари, въ виду нѣко-торого разнообразія въ говорахъ и даже языкѣ во-त्याковъ разныхъ мѣстностей); слѣдуетъ также соста-вить сборникъ разговорныхъ фразъ. Читать по-рус-ски учитель долженъ научить вотяковъ на первомъ-же году; трудъ усвоенія русской рѣчи тогда значи-тельно облегчится. Слова отвлеченныя и незнакомые вотской рѣчи русскіе обороты учитель выясняетъ путемъ всевозможныхъ комбинацій этихъ словъ и оборотовъ съ выраженіями, уже извѣстными и по-нятными вотякамъ. За два года вотяками должны быть усвоены, по возможности, всѣ слова, которыя встрѣтятся имъ при переходѣ въ исключительно русскій классъ съ исключительно русскими учебни-ками. Учителей слѣдуетъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, двухъ: одного для первыхъ двухъ, другого для слѣ-дующихъ трехъ отдѣленій. Русскимъ учителямъ должно отдавать предпочтеніе передъ вотяками, такъ какъ послѣдніе, по большей части, плохо владѣють русской рѣчью. Возраженіе, что русскихъ, *не знаю-щихъ* вотской рѣчи, не слѣдуетъ назначать учите-лями къ вотякамъ, падаетъ само собой, когда по-ставимъ на видъ, что всякій дѣльный учитель рус-скій въ годъ въ очень достаточной степени овла-дѣетъ вотской рѣчью и, какъ русскій, принесетъ больше пользы вотякамъ, нежели ихъ братъ-иноро-децъ.

Я, лично, хотя и не вполне, держался выше на-мѣченной схемы (осуществить вполне своего плана я не могъ, такъ какъ моихъ единичныхъ силъ не хватало для этого). Младшее отдѣленіе было раздѣ-

лено мною на двѣ группы: первую группу составили вотяки, почти ничего не понимавшіе по-русски. Съ ними я занимался переводомъ вотскихъ словъ на русскій языкъ, исправленіемъ ихъ произношенія русскихъ словъ, изученіемъ краткихъ молитвъ и азбукой. Большую помощь въ дѣлѣ перевода оказывали мнѣ русскіе мальчики, которые нерѣдко хорошо владѣютъ вотскою рѣчью. Какъ только вотяки выучивались азбукѣ, я тотчасъ-же при помощи подвижного букваря составлялъ одновременно вотскія и русскія слова. На особой планкѣ для буквъ я помѣщалъ параллельно, напр., вотское „умой“ и русское „хорошій“, „начаръ“ и „плохой“, „мугоръ“ и „тѣло“ и т. п.

Противъ моего плана могутъ возразить, что онъ потребуетъ большихъ расходовъ. По-моему, едва-ли. Такъ какъ занятія съ вотяками могутъ вестись отъ 7—9 часовъ утра и отъ 2 до 4 дня, т. е. передъ началомъ и по окончаніи занятій въ трехъ специально-русскихъ отдѣленіяхъ, то особаго помѣщенія не понадобится. Остается расходъ на учителей. И этотъ расходъ не великъ. Если каждое земство создастъ десять школъ указанного типа, то жалованье учителямъ выразится цифрами 2.400—3.600 руб. въ годъ (полагая по 200 и самое большее 300 руб. на каждаго учителя). Я думаю, этотъ расходъ окупится тою выгодой, которая получится отъ сохраненія цѣлаго племени, за скорѣйшее ассимилированіе котораго стоятъ и этнографы, и мѣстные наблюдатели вотяковъ. Такъ, одинъ изъ такихъ наблюдателей, о. Н. Н. Блиновъ, заканчиваетъ свою книгу („Языческой культъ вотяковъ“) пожеланіемъ, чтобы сотни тысячъ вотяковъ, этихъ „настойчивыхъ и терпѣливыхъ тружениковъ, надежныхъ общинниковъ, которые, къ сожалѣнію, находятся пока на пути къ вымиранію, вслѣдствіе своей неприспособленности къ усвоенію

высшей для нихъ современной культуры“, были введены въ среду русскаго народа. То-же, если не измѣняетъ мнѣ память, говоритъ и этнографія въ лицѣ проф. Смирнова въ его монографіи „Вотяки“.

Какъ-бы тамъ ни было, но если мы заинтересованы въ спасеніи вотяковъ, то должны поспѣшить съ ихъ „обрусѣніемъ“, чему очень много можетъ способствовать скорѣйшее усвоеніе ими русской рѣчи.

VIII.

Читатель, слѣдившій за моими замѣтками, вѣроятно, помнитъ, что я неоднократно обращалъ вниманіе на болѣзненность учениковъ. Всякіе больные были въ моей школѣ. Были и страдавшіе психозами. Мнѣ пришлось, напр., наблюдать довольно ярко выраженную картину ностальгіи. Профессоръ Мейнертъ утверждаетъ, что наибольшій процентъ страдающихъ ностальгіей, т. е. тоской по родинѣ, даютъ солдаты-новобранцы и городская прислуга, прибывающая въ городъ изъ деревни. Некультурный человѣкъ настолько свыкается съ своей родной обстановкой, настолько, такъ сказать, приростаетъ къ ней, что эта обстановка является какъ-бы его органическимъ продолженіемъ, какъ бы необходимымъ условіемъ его существованія. Оторвать какого-нибудь мужичка, рѣдко и недалеко отлучавшагося изъ своей деревни, отъ его родной почвы, не причинивъ боли, нельзя. Онъ привыкъ воспринимать только тѣ впечатлѣнія, которыя давала ему родная среда; только на эти впечатлѣнія онъ приспособился воздѣйствовать. Вырванный изъ своей среды и перенесенный въ новыя, незнакомыя ему условія, некультурный человѣкъ теряетъ, лишается способности ориентироваться, начинаетъ тосковать, задумываться, отвѣчать невпопадъ, безпричинно, повидимому, плакать. Всякій, кому при-

лено мною на двѣ группы: первую группу составили вотяки, почти ничего не понимавшіе по-русски. Съ ними я занимался переводомъ вотскихъ словъ на русскій языкъ, исправленіемъ ихъ произношенія русскихъ словъ, изученіемъ краткихъ молитвъ и азбукой. Большую помощь въ дѣлѣ перевода оказывали мнѣ русскіе мальчики, которые нерѣдко хорошо владѣютъ вотскою рѣчью. Какъ только вотяки выучивались азбукѣ, я тотчасъ-же при помощи подвижного букваря составлялъ одновременно вотскія и русскія слова. На особой планкѣ для буквъ я помѣщалъ параллельно, напр., вотское „умой“ и русское „хорошій“, „начаръ“ и „плохой“, „муторъ“ и „тѣло“ и т. п.

Противъ моего плана могутъ возразить, что онъ потребуетъ большихъ расходовъ. По-моему, едва-ли. Такъ какъ занятія съ вотяками могутъ вестись отъ 7—9 часовъ утра и отъ 2 до 4 дня, т. е. передъ началомъ и по окончаніи занятій въ трехъ специально-русскихъ отдѣленіяхъ, то особаго помѣщенія не понадобится. Остается расходъ на учителей. И этотъ расходъ не великъ. Если каждое земство создастъ десять школъ указаннаго типа, то жалованье учителямъ выразится цифрами 2.400—3.600 руб. въ годъ (полагая по 200 и самое большее 300 руб. на каждаго учителя). Я думаю, этотъ расходъ окупится тою выгодой, которая получится отъ сохраненія цѣлага племени, за скорѣйшее ассимилированіе котораго стоятъ и этнографы, и мѣстные наблюдатели вотяковъ. Такъ, одинъ изъ такихъ наблюдателей, о. Н. Н. Блиновъ, заканчиваетъ свою книгу („Языческой культъ вотяковъ“) пожеланіемъ, чтобы сотни тысячъ вотяковъ, этихъ „настойчивыхъ и терпѣливыхъ тружениковъ, надежныхъ общинниковъ, которые, къ сожалѣнію, находятся пока на пути къ вымиранію, вслѣдствіе своей неприспособленности къ усвоенію

вышей для нихъ современной культуры“, были введены въ среду русскаго народа. То-же, если не измѣняетъ мнѣ память, говоритъ и этнографія въ лицѣ проф. Смирнова въ его монографіи „Вотяки“.

Какъ-бы тамъ ни было, но если мы заинтересованы въ спасеніи вотяковъ, то должны поспѣшить съ ихъ „обрусѣніемъ“, чему очень много можетъ способствовать скорѣйшее усвоеніе ими русской рѣчи.

VIII.

Читатель, слѣдившій за моими замѣтками, вѣроятно, помнитъ, что я неоднократно обращалъ вниманіе на болѣзненность учениковъ. Всякіе больные были въ моей школѣ. Были и страдавшіе психозами. Мнѣ пришлось, напр., наблюдать довольно ярко выраженную картину ностальгій. Профессоръ Мейнертъ утверждаетъ, что наибольшій процентъ страдающихъ ностальгійей, т. е. тоской по родинѣ, даютъ солдатъ-новобранцы и городская прислуга, прибывающая въ городъ изъ деревни. Некультурный человѣкъ настолько свыкается съ своей родной обстановкой, настолько, такъ сказать, приростаеь къ ней, что эта обстановка является какъ-бы его органическимъ продолженіемъ, какъ бы необходимымъ условіемъ его существованія. Оторвать какого-нибудь мужичка, рѣдко и недалеко отлучавшагося изъ своей деревни, отъ его родной почвы, не причинивъ боли, нельзя. Онъ привыкъ воспринимать только тѣ впечатлѣнія, которыя давала ему родная среда; только на эти впечатлѣнія онъ приспособился воздѣйствовать. Вырванный изъ своей среды и перенесенный въ новыя, незнакомыя ему условія, некультурный человѣкъ теряетъ, лишается способности ориентироваться, начинаетъ тосковать, задумываться, отвѣчать невпопадъ, безпричинно, повидимому, плакать. Всякій, кому при-

ходило наблюдать солдатъ-новобранцевъ, только что прибывшихъ въ часть, можетъ подтвердить вѣрность только что набросанной картины „тоски по родинѣ“. Ностальгія можетъ иногда затянуться надолго. У г. Станюковича въ одномъ изъ его рассказовъ выведенъ матросикъ, такъ долго и такъ сильно тосковавшій по родинѣ, что начальство должно было освободить его отъ службы и отпустить на родину. Но не только среди солдатъ и городской прислуги наблюдается ностальгія. Только что поступившіе ученики тоже тоскуютъ по отчому крову, и какъ тоскуютъ! Эта тоска не такъ продолжительна и интенсивна, если школа находится въ родной деревнѣ ученика: Въ этомъ случаѣ ученикъ все-таки не совсѣмъ отрывается отъ родного очага. На перемѣнахъ, во время обѣда и послѣ уроковъ онъ видитъ своихъ родныхъ и близкихъ, и та тоска, которую „нагоняла“ на него школа, съ ея дисциплиною и непонятными на первыхъ порахъ занятіями, мало-по-малу проходитъ, благодаря этой періодической смѣнѣ чуждыхъ впечатлѣній своими родными, знакомыми и дорогими. Но если ученикъ взятъ изъ другой, болѣе или менѣе отдаленной деревни, если онъ при этомъ рѣдко видится съ родителями, то тоска можетъ принять такой острый характеръ, что единственнымъ средствомъ освободить ученика отъ нея является отсылка его на родину, гдѣ онъ быстро поправляется и становится нормальнымъ. Изъ сказаннаго видно, что ностальгіей, которую я понимаю какъ тоску по родинѣ въ широкомъ смыслѣ, страдаютъ и „туземцы“, и „иноземцы“, только вторые въ гораздо болѣе степени, чѣмъ первые. Учитель всегда долженъ имѣть это въ виду и своевременно принимать соотвѣтствующія мѣры. Лѣта ученика, конечно, имѣютъ значеніе при развитіи ностальгіи. Малыши, съ очень слабо развитыми задерживающими центрами, съ трудомъ

борются съ этимъ психозомъ и рѣдко одолѣваютъ его. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось отпустить двухъ такихъ малышей въ ихъ родную деревню, которая и отъ школы-то моей отстояла въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ. Одинъ изъ этихъ учениковъ, — кудрявый, голубоглазый, востроносый, румявенькій и веселый (на первыхъ порахъ) Константинъ Черепнинъ, — сначала съ любопытствомъ относился ко всему, что происходило въ школѣ и, повидимому, не скучалъ. Но на третій день своего пребыванія въ училищѣ онъ разрыдался во время урока безъ всякаго внѣшняго къ тому повода. „Что съ тобой, Костя? О чемъ ты плачешь?“ — спросилъ его я. — „Безъ Миски скучно“, — всхлиывая, отвѣчалъ Черепнинъ. — „Кто такой этотъ Мишка?“ — обратился я къ нему. — „Это его меньшей братишка. Онъ завсегда съ нимъ играть“, — отвѣтили за него товарищи. Я принесъ картинокъ, разложилъ ихъ передъ расплакавшимся мальчикомъ, чѣмъ-то его размѣшилъ и кое-какъ успокоилъ. Но на слѣдующій день опять слезы и опять жалобы на скуку безъ Мишки. Успокаивать стало труднѣе. Такъ и пришлось отпустить его на годъ домой. Константину Черепнину было всего семь лѣтъ. Изъ одной деревни вмѣстѣ съ нимъ пришелъ и его ровесникъ — серьезный, плотный, со вдумчивыми сѣрыми глазами на широкомъ лицѣ Николай Титовъ. Этотъ былъ покрѣпче, и пока не ушелъ изъ школы его землякъ „Костька“ Черепнинъ, не обнаруживалъ своей тоски. Но вотъ Костя Черепнинъ, который былъ для Николая Титова крѣпкимъ звеномъ между нимъ и родной деревней, покинулъ школу, и Титовъ затосковалъ. Онъ сдѣлался разсѣяннымъ, задумчивымъ и плаксивымъ. Онъ не могъ пережить разлуки „съ Костькой“. Пришлось отпустить и его. Оба эти мальчика были семилѣтки.

Но у меня были семилѣтки также изъ деревни,

гдѣ была моя школа, которые болѣе или менѣе скоро свыкались со школьнымъ режимомъ и не обнаруживали поползновенія уйти изъ школы домой къ своимъ „Мискамъ“. Такъ что однимъ возрастомъ не объяснишь этой тоски, которая главнымъ образомъ происходила отъ того, что мальчики были оторваны отъ родной среды, фокусомъ которой для одного изъ нихъ былъ братъ „Миска“, къ которому сходились и отъ котораго исходили всѣ его помыслы и впечатлѣнія. Не спорю, что болѣе взрослые ученики легче свыкаются со школьною жизнью и скорѣе перестаютъ скучать по отчужденію, но и среди этихъ школьниковъ (болѣе взрослыхъ) попадаются мальчики, которые скрываютъ свою тоску, удерживаютъ слезы, стыдятся товарищей, и учитель долженъ зорко слѣдить за своей школой и, такъ сказать, проникать своевременно въ души своихъ питомцевъ, чтобы сразу приохотить ихъ къ школѣ и избавить отъ непріятнаго душевнаго настроенія, которое всегда дурно отражается и на ихъ занятіяхъ.

Учитель не долженъ сразу приступать къ занятіямъ. Недѣлю, другую онъ долженъ посвятить „ознакомленію“ съ учениками. Вступивъ съ ними въ простыя, искреннія, человѣческія отношенія, онъ въ этотъ срокъ нѣсколько познакомитъ ихъ и съ собой. Узнавъ и полюбивъ учителя, ученики скорѣе позабудутъ своихъ „Мисекъ“ и не такъ будутъ скучать по родному дому. Учитель—центральное лицо школы. На него, а не на книжки устремляются въ началѣ пытливые глазки дѣтей. О немъ ведутся разговоры и дома. Первый вопросъ, которымъ встрѣчаютъ обыкновенно родители „новичковъ“, по возвращенію ихъ изъ школы, это: „Каковъ учитель? Добрый онъ или строгій?“ Такими-же вопросами обмѣниваются и питомцы разныхъ школъ: сначала поговорятъ объ учителяхъ, а потомъ ужъ и о занятіяхъ. Учителя должны это

знать и должны стараться сразу стать въ прямые, искреннія отношенія къ своимъ школьникамъ. Искренность учителя расположитъ и учениковъ къ искренности. Иначе—произойдетъ взаимное непониманіе, со всѣми его дурными послѣдствіями: недовѣріемъ, ложью, скрытностью. Плохъ тотъ учитель, о которомъ ученики говорятъ, что они его не знаютъ. Еще хуже тотъ, котораго ученики не любятъ или любятъ притворно. Истинную-же любовь учениковъ учитель можетъ снискать только правдивостью, гуманностью и строгой вѣрностью самому себѣ. И если учитель съ перваго-же знакомства съумѣетъ вызвать къ себѣ довѣріе со стороны своихъ питомцевъ, то заранѣе можно сказать, что тоска по родинѣ не будетъ долго томить его школьниковъ.

IX.

Въ настоящее время, когда разрѣшеніе школьнаго вопроса въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи подвинулось впередъ, когда многія земства имѣютъ уже возможность перейти къ осуществленію идеи всеобщаго обученія, можно и должно подумать и о разрѣшеніи того-же школьнаго вопроса и въ качественномъ отношеніи. Нужно расширить и улучшить библиотечное дѣло земскихъ училищъ; должно позаботиться объ улучшеніи быта учителей и о привлеченіи въ преподавательскій составъ лицъ съ болѣе серьезною, чѣмъ теперь, подготовкою. Слѣдуетъ подумать и объ учебныхъ пособіяхъ, недостатокъ которыхъ сильно ощущается нашими начальными школами. Наглядныя пособія въ нашихъ сельскихъ училищахъ, можно сказать, совершенно отсутствуютъ, между тѣмъ всѣ педагогики, методики и дидактики много и порой хорошо говорятъ о наглядности, распространяясь о значеніи въ школьномъ дѣлѣ раз-

наго рода моделей, чучель, образцовъ, коллекцій, приборовъ и т. п.; требуетъ наглядности и учебное начальство. Но горячая рѣчь о моделяхъ и прочихъ наглядныхъ пособіяхъ гг. педагоговъ остается „гла-сомъ вопіющаго въ пустынь“; требованія-же начальства оказываются неосуществимыми. Какъ нельзя безъ инструментовъ сдѣлать какую-нибудь вещь, такъ невозможно и безъ пособій достигнуть наглядности. И учителю приходится довольствоваться объясненіемъ словъ, обозначающихъ тѣ или другіе, совершенно порой незнакомые его ученикамъ, предметы, тѣ или другія почти всегда элементарныя явленія природы, правильное и точное пониманіе которыхъ можетъ быть, однако, достигнуто только путемъ опытовъ, также зачастую несложныхъ. Между тѣмъ, ни образцовъ, ни приборовъ у учителя нѣтъ, и онъ, конечно, достигаетъ такой-же наглядности, какая получалась, если-бы, за неимѣніемъ ручекъ, карандашей, мѣла и вообще, если такъ можно выразиться, орудій для письма, сталь-бы учить своихъ учениковъ „чистописанію“, вывода буквы на водѣ или воздухѣ. Не странно-ли, читатель, такое положеніе дѣла? Въ университетахъ, гдѣ учатся люди уже болѣе или менѣе способные къ отвлеченному мышленію, къ услугамъ студентовъ (даже юристовъ) множество наглядныхъ пособій, а въ начальныхъ школахъ, гдѣ у ребятъ сплошь и рядомъ всякое дерево—береза, почти совсѣмъ нѣтъ такихъ пособій. Абстракція и догматизмъ—вотъ два главныхъ недуга нашихъ низшихъ школъ, и притомъ „абстракція отъ абстракціи“,—отвлеченіе отъ словъ учителя, а не отъ видимыхъ, конкретныхъ вещей. Не видя предмета, ученикъ долженъ составлять о немъ „отвлеченное“ понятіе со словъ своего наставника; не будучи въ состояніи, за неимѣніемъ пособій, провѣрить то, что узналъ отъ учителя, школьникъ дол-

женъ вѣрить ему на-слово. Студенту предоставляется возможность такъ или иначе провѣрить то, что общилъ ему профессоръ, а только что научившійся говорить деревенскій малышъ долженъ довольствоваться лишь одними словами учителя, не всегда для него понятными!

Отсутствіе наглядныхъ пособій въ народныхъ школахъ — одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашего начальнаго образованія. Между тѣмъ земства могли бы заполнить этотъ пробѣлъ почти безъ всякаго обремененія плательщиковъ. Земства могли-бы устроить центральные склады наглядныхъ пособій въ городахъ, съ отдѣленіями складовъ при школахъ въ селахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы каждое такое отдѣленіе удовлетворяло нуждамъ 5—10 (въ зависимости отъ мѣстныхъ условій) школъ округи. Учителя ближайшихъ къ отдѣленію школъ, соблюдая извѣстный, выработанный ими сообща порядокъ, получили-бы тогда возможность брать необходимыя имъ пособія изъ такихъ складовъ. Кромѣ того, въ праздничные, а кто можетъ и въ субботніе дни, когда занятія въ сельскихъ школахъ кончаются въ двѣнадцать часовъ, сельскіе учителя, также по очереди, могли-бы осматривать эти склады вмѣстѣ съ учениками, давать имъ тѣ или другія объясненія и производить опыты. Самыя-же необходимыя наглядныя пособія должны имѣться въ каждой школѣ. Не буду распространяться о той пользѣ, какую принесутъ наглядныя пособія нашему темному крестьянскому люду. Скажу только, что зрительная труба откроетъ ему нѣсколько „тайны“ звѣзднаго міра; благодаря микроскопу, этотъ людъ пойметъ, какъ это доктора узнаютъ, отчего болѣзнь происходитъ; нагнетательный насосъ „докажетъ“ тѣлесность воздуха и т. д. Все это, въ свою очередь, поможетъ искорененію многихъ предрасудковъ и убьетъ вѣру и въ пре-

словутыхъ трехъ китовъ, въ „мору“ и въ разныхъ „комухъ“. Въ видѣ иллюстраціи этой мысли, приведу такой случай изъ моей практики. Я занимался фотографіей. Суевѣрные вотяки и русскіе говорили, что „дѣлать патреты“ мнѣ помогаетъ нечистый. Но ученики, передъ глазами которыхъ проходилъ весь процессъ фотографированія, смѣялись надъ такимъ вздорнымъ утвержденіемъ своихъ односельчанъ. „Какой тамъ нечистый? Мы сами, чай, видѣли, какъ Д. К. снимаетъ. Ничего мудренаго тутъ нѣтъ: это свѣтъ такъ на пластинку дѣйствуетъ“, — говорили они суевѣрнымъ мужикамъ и тутъ-же объясняли, какъ поняли сами, фотографическія операціи. Но наглядныхъ пособій у меня не было (какъ и у другихъ учителей). Я ставилъ это отсутствіе наглядныхъ пособій на видѣ предсѣдателю земской управы, который вполне соглашался со мной въ вопросѣ объ устройствѣ складовъ-музеевъ, но помочь моему горю, какъ предсѣдатель, все-таки не могъ. Какъ частное лицо, онъ обѣщаль мнѣ прислать свой микроскопъ, но дѣло было передъ каникулами, и этотъ оптический приборъ прибылъ въ мою школу по моему отъѣздѣ... А какъ огорчались ученики, когда на ихъ просьбу показать или раздобыть тотъ или другой предметъ, о которомъ я имъ рассказывалъ, съ моей стороны слѣдовалъ отказъ. За-то и радовались-же они, когда предметъ былъ на лицо! Передо мной возстаетъ такая картина. Я вижу радостныя лица, блестящіе глаза, жесты удивленія, слышу возгласы: „Смотрите, ребята, какой большой у меня палецъ сталъ! Да ка-а-кой то-о-лстый!“ — „А ну-ка, дай я посмотрю на твой глазъ!..“ Это ликовали мои школьники, увидѣвъ въ первый разъ увеличительное стекло. По поводу разосланной нѣсколько лѣтъ назадъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ земскія школы брошюры о сибирской язвѣ (не помню какого

автора: не то Алферова, не то Порфирьева) мнѣ пришлось выслушать такое замѣчаніе отъ одного ученика: „Книжка хорошая. Только жаль, что у насъ микроскопа нѣтъ (въ книжкѣ помѣщенъ рисунокъ микроскопа). Вотъ въ него-бы посмотрѣть. А то не знаешь, вѣрно тамъ (въ книжкѣ-то) сказано, или нѣтъ“.

Земства для распространенія правильныхъ свѣдѣній среди крестьянскаго населенія устраиваютъ выставки, опытные поля, образцовыя пасѣки. Но все это не всѣмъ доступно. Выставки-же, устраиваемыя довольно рѣдко, имѣютъ временный, скоропроходящій интересъ. Склады „наглядныхъ“ пособій, организованные въ видѣ музеевъ, окажутъ на крестьянскую среду болѣе сильное и болѣе напряженное дѣйствіе. Что касается того, какія пособія необходимы при преподаваніи въ нашихъ народныхъ школахъ и какія затраты придется произвести на ихъ приобрѣтеніе, то по этому вопросу желательно выслушать специалистовъ. Подумать-же объ устройствѣ складовъ наглядныхъ пособій пора, и давно пора.

Postscriptum. Моя статья была уже написана, когда я, къ величайшему своему удовольствію, узналъ о слѣдующемъ правительственномъ распоряженіи, помѣщенномъ въ „Правительственныхъ распоряженіяхъ“ и „Русской Школѣ“: „Высочайше утвержденнымъ, 6-го ноября текущаго года, положеніемъ Комитета Министровъ, предоставлено Министру Народнаго Просвѣщенія право учреждать собственной властью педагогическіе музеи и утверждать, въ случаѣ надобности, уставы таковыхъ. Учрежденіе педагогическихъ музеевъ имѣетъ цѣлью способствовать лучшей постановкѣ учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ и расширенію приобрѣтаемыхъ народными учителями въ учительскихъ семинаріяхъ познаній, путемъ предоставленія имъ возможности постоянного

ознакомленія съ новѣйшими и лучшими сочиненіями по всѣмъ отраслямъ педагогической науки и наглядными учебными и воспитательными пособиями. Открытіе проектируемыхъ учреждений имѣется въ виду производить какъ на средства, состоящія въ распоряженіи Министерства, такъ и на частныя пожертвованія, а также на суммы, которыя могутъ быть съ этою цѣлью добровольно собираемы въ средѣ лицъ, занимающихся преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, и другихъ дѣятелей по народному образованію“. Съ искреннимъ восторгомъ долженъ привѣтствовать это распоряженіе всякій, кому дороги интересы нашего народнаго просвѣщенія и кто хоть нѣсколько знакомъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Отнынѣ открывается возможность нашимъ труженикамъ-учителямъ пополнять пробѣлы своего образованія, недостаточность котораго чувствуется очень многими изъ нихъ. Но до сихъ поръ они могли только констатировать этотъ печальный фактъ, теперь-же само правительство даетъ имъ право и указываетъ способы устранить этотъ грустный фактъ—недостаточность образованія. Думается, что учителя не откажутся отъ пожертвованій на педагогическіе музеи, хотя и чувствуется заранѣе, что однихъ этихъ пожертвованій будетъ недостаточно. Но отзывчивые русскіе благотворители не разъ приходили на помощь хорошему дѣлу. Будемъ надѣяться, что они отзовутся и на призывъ помочь устройству педагогическихъ музеевъ. Земства-же, при поддержкѣ правительства, частныхъ благотворителей и своихъ учителей, могутъ широко и хорошо поставить дѣло организаціи педагогическихъ музеевъ“. Итакъ, труженики земли русской, учительницы и учителя, васъ не только приглашаютъ трудиться, но и даютъ возможность и указываютъ средства для планомѣрной и производительной работы. Окончу и эту за-

мѣтку, какъ и одну изъ прежнихъ, призывомъ къ работѣ: „laboremus“ (потрудимся).

X.

Лѣтъ пять назадъ на разрѣшеніе одного изъ уѣздныхъ земскихъ собраній былъ поставленъ вопросъ объ увеличеніи числа школъ на средства губернскаго земства. Открытіе новыхъ школъ связано съ болѣе или менѣе значительными расходами и заставляетъ подумать и о „качественной“ сторонѣ дѣла. Школъ „дѣною подешевле“ можно завести много. Но желательно-ли это? Нѣкоторые изъ гласныхъ, взглянувъ на предложенный имъ вопросъ со стороны увеличенія количества на счетъ ухудшенія качества, категорически заявили, что „понижать уровень образованія въ начальныхъ школахъ не должно“. Однимъ изъ гласныхъ былъ высказанъ, между прочимъ, по этому поводу такой взглядъ на результаты, достигаемые начальной школой: „Въ общемъ весь курсъ училища сводится къ наученію грамотѣ и дальше этого не идетъ. Съ такими-то познаніями ученики, окончивъ курсъ 11-ти, 12-ти лѣтъ, вступаютъ въ жизнь и быстро забываютъ все, чему ихъ учили. Мы встрѣчаемся съ такимъ грустнымъ явленіемъ, что мальчикъ, кончившій курсъ въ земской школѣ, не можетъ написать прошенія въ волостной судъ, а бываетъ и такъ, что, при призывѣ къ отбыванію воинской повинности, у парня, числящагося грамотнымъ, настолько основательно улетучились всѣ познанія изъ головы, что онъ съ трудомъ подписываетъ свою фамилію“. Другой гласный высказался такъ: „Практика многихъ лѣтъ показала, что и при существующемъ типѣ школъ приобрѣтенныя знанія далеко не такъ прочны и устойчивы, какъ-бы это было желательно. Дѣти чрезъ два-три года разучивались чи-

тать и писать. Въ виду этого земства принуждены были прибѣгнуть къ повторительнымъ курсамъ, къ воскресно-повторительнымъ чтеніямъ, распространенію книгъ среди населенія, устройству библіотекъ, повторительнымъ экзаменамъ“. Оба эти гласные видятъ причину грустнаго явленія—рецидивизма безграмотности—въ непродолжительности срока обученія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 18 мѣсяцевъ, растянутыхъ на три года, многого не сдѣлаешь. Но, думается, читать и писать можно научить и въ такой промежутокъ времени. И въ нашихъ школахъ ученики выучиваются за эти 18 мѣсяцевъ обученія и чтенію, и письму. Правда, не всѣ изъ нихъ читаютъ складно и пишутъ твердо, но многіе и очень многіе уносятъ изъ школы любовь къ занятіямъ.

Въ досужее время они могли-бы улучшить и почеркъ, и технику чтенія, если-бы у нихъ было что читать и чѣмъ и на чемъ писать. Отсутствие учебныхъ принадлежностей—вотъ главная, если не единственная причина рецидивизма безграмотности. Какъ преступникъ дѣлается рецидивистомъ большею частью потому, что, отбывъ наказаніе, снова попадаетъ въ тѣ-же, приблизительно, условія существованія, въ какихъ находился въ моментъ совершенія перваго преступленія, такъ и ученикъ, окончившій курсъ, забываетъ грамоту.

Нашу земскую школу можно-бы сравнить съ мастерской, въ которой орудія труда не выдаются рабочимъ на руки. Пока мастерской на работѣ, онъ можетъ (и обязанъ) пользоваться инструментами. Вышедши-же изъ мастерской, онъ не смѣетъ прикоснуться къ этимъ инструментамъ. Учитель земской школы, у котораго на чеку каждое перышко, каждая капля чернилъ и каждый клочекъ бумаги, рѣдко даетъ все это ученикамъ на домъ. Ученики пишутъ только въ школѣ; очень немногіе изъ нихъ

могутъ писать дома. Не всякій крестьянинъ затратить двугривенный на чернила, бумагу и перья для своего учащагося или учившагося сына. Цѣлое сельское общество — и то порой разбавляетъ чернила водой до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются безцвѣтной жидкостью, и пишетъ этой жижицей свои приговоры. Чернила, бумага, перья, ручки къ нимъ—все это своего рода драгоценность въ глазахъ мужика. Не даромъ-же онъ чернильницу ставитъ на божницу, откуда ее трудно столкнуть. Возлѣ чернильницы онъ кладетъ ручку, чтобы не затерялась. Въ деревняхъ нашихъ можно наблюдать и такую картину: идетъ вдоль улицы мужичекъ и бережно несетъ чернильницу и ручку, которая взялъ дворовъ за десять отъ своего дома, гдѣ его ждетъ „письменный“ человекъ, пообѣщавшійся написать ему „грамотку“...

Не знаю, производилъ-ли кто-нибудь подсчетъ чернильницамъ, ручкамъ и другимъ письменнымъ принадлежностямъ въ нашихъ деревняхъ. Количество этихъ принадлежностей могло-бы быть хорошимъ показателемъ степени просвѣщенности нашего народа. Но и не имѣя этихъ цифръ, можно „по наглядкѣ“ сказать, что письменныхъ принадлежностей въ нашихъ деревняхъ не много, — неизмѣримо меньше, чѣмъ населенія. Тамъ-же, гдѣ нечѣмъ писать и нечего читать, превращеніе изъ грамотнаго въ неграмотнаго—явленіе естественное. Болѣе удивительнымъ было-бы обратное.

Вотъ на эту-то сторону вопроса и слѣдуетъ обратить вниманіе и земствамъ, и всѣмъ прочимъ учрежденіямъ и лицамъ, имѣющимъ дѣло съ нашимъ начальнымъ образованіемъ. Нужно устроить такъ, чтобы ученики не только въ школѣ, но и дома, не только во время ученія, но и „окончивъ курсъ“, имѣли возможность упражняться въ чтеніи и письмѣ. Для этого, съ одной стороны, нужно завести по-

больше библиотекъ, а съ другой—организовать раздачу неимущимъ и продажу имущимъ письменныхъ принадлежностей. Нужно *привучить* народъ считать учебныя пособія необходимыми вещами въ обиходѣ. Развить навыки въ крестьянствѣ въ этомъ отношеніи одна изъ обязанностей учителя. Средства-же на этотъ предметъ должно дать земство, которое во всякомъ случаѣ не выгадываетъ, а прогадываетъ отъ грустныхъ случаевъ рецидивовъ безграмотности.

Я лично пріобрѣталъ учебныя принадлежности на свои деньги и раздавалъ ихъ первое время бесплатно всѣмъ своимъ ученикамъ. Ученики мало-по-малу привыкли и полюбили заниматься дома, особенно чистописаніемъ. Отцы также нашли удобнымъ имѣть у себя чернила, ручку и проч. Прежде за этимъ къ сосѣду приходилось бѣгать, а теперь явилась возможность написать что-либо и дома. Они перестали скупиться и начали пріобрѣтать учебныя пособія своимъ дѣтямъ сами. На моемъ „иживеніи“ остались въ концѣ-концовъ наиболѣе бѣдные ученики, у которыхъ порой не было на что купить и болѣе необходимаго. Ученики мои, такимъ образомъ, *привыкли* имѣть учебныя принадлежности, и я, къ своему удовольствію, могу констатировать, что ихъ почеркъ улучшился, а не ухудшился (я говорю о кончившихъ у меня курсъ). Это я вывожу изъ ихъ писемъ ко мнѣ. Письма эти я получаю сравнительно рѣдко; слѣдовательно, не отъ переписки со мной зависить улучшение ихъ почерка. Очевидно, они пишутъ нерѣдко дома, что-либо переписывая. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ говорятъ объ этомъ сами въ своихъ письмахъ. Чернила (опять сужу по письмамъ) у моихъ корреспондентовъ не плохого качества: водой не разбавлены. Имѣю основанія предполагать, что чернила эти куплены самими учениками. Вообще мои ученики любили писать, и при сво-

ихъ вечернихъ посѣщеніяхъ я довольно часто заставлялъ ихъ за писаніемъ. Родные такихъ учениковъ смыкались обыкновенно при этомъ въ кружокъ и, нѣсколько отстраняясь отъ пишущаго, любовно смотрѣли, какъ это ихъ „Андріяшка“ или кто другой (имя рекъ) ловко выводитъ буквы. Такія внѣшкольные занятія, производимыя по собственному влеченію и при любовно-торжественномъ одобреніи близкихъ, много помогаютъ успѣхамъ учениковъ. Можно сказать, что въ этомъ случаѣ ученикъ дома дѣлаетъ больше, чѣмъ въ школѣ. Домовитые мужички, лежащіе зимой спать въ девятомъ часу и берегущіе керосинъ, разрѣшали, однако, своимъ дѣтямъ писать и тогда, когда сами уже укладывались спать. На каникулярное время я давалъ каждому изъ своихъ учениковъ бумаги, перьевъ и чернилъ. Благодаря этому, мнѣ не приходилось замѣчать той поразительной разницы между до-каникулярнымъ и послѣ-каникулярнымъ почеркомъ своихъ школьниковъ, какая наблюдается тамъ, гдѣ учебныя принадлежности отбираются отъ учениковъ. Для упражненія въ чтеніи я выдавалъ имъ книжки.

У насъ распространенъ предрасудокъ, что наши мужики любятъ даровщинку. Я думаю, что крестьяне въ этомъ повинны во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ представители такъ называемыхъ культурныхъ классовъ. У меня есть факты, доказывающіе обратное. Какъ-то по одному экстренному случаю, зимой, въ два часа ночи, я попросилъ одного мужичка съѣздить верстъ за двадцать за докторомъ и пообѣщаль ему за это три рубля. Мужичокъ, исполнивъ мое порученіе и придя за деньгами, наотрѣзъ отказался взять три рубля, находя такую цѣну слишкомъ дорогой. Сколько я ему ни говорилъ, что его трудъ стоитъ трехъ рублей, что ему пришлось сдѣлать сорокъ верстъ быстрой ѣзды, что, наконецъ, я самъ

объщались ему уплатить эту самую сумму, слова мои не убъдили крестьянина, и я вынужденъ былъ согласиться на предложенный имъ компромиссъ, пользоваться его лошадыю для своихъ разъѣздовъ, пока не забъзжу всѣхъ трехъ рублей. И мужикъ-то былъ самый обыкновенный: ни плохой, ни хорошій.

Крестьяне охотно соглашались покупать своимъ дѣтямъ учебныя принадлежности, когда я имъ указывалъ, что на свой счетъ я постоянно этого дѣлать не могу. „Что баять,—отвѣчали они мнѣ въ такихъ случаяхъ,—чай, деньги-то у тебя тоже царскія: самъ, чай, не куешь. У тебя ихъ, учениковъ-отъ, вона какая орава, а у меня ребятъ не много. Куплю какъ-нибудь своему парнишкѣ чернильницу и еще что ты говоришь. Гривенникъ не большой расчетъ“. И покупали. Въ деревнѣ-же, гдѣ развито соревнованіе, стоитъ только одному отцу купить своему ребенку ту или другую вещь, какъ, смотришь, и другой мужичокъ, самъ по себѣ, чтобы отъ сосѣдей не отставать, или-же, побуждаемый просьбами дѣтей, приобрѣтаетъ такую-же вещь и себѣ. Все это я говорю къ тому, чтобы указать, съ одной стороны, на то, что, привыкнувъ имѣть учебныя принадлежности, крестьяне будутъ приобрѣтать ихъ сами, на свои деньги, а съ другой—на то, что къ этому ихъ нужно приучить путемъ даровой раздачи учебныхъ принадлежностей ученикамъ. Какъ только ученики научатся читать и писать, всѣмъ имъ нужно выдавать чернилъ, ручекъ и перьевъ, бумаги и карандашей, помимо книгъ, бесплатно для домашнихъ занятій. Когда всѣ эти „принадлежности“ у нихъ „выйдутъ“, учитель во второй разъ ссужаетъ всѣмъ этимъ только бѣдныхъ учениковъ; дѣтямъ-же болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей онъ предлагаетъ приобрѣсти все это за деньги. Въ этомъ-же смыслѣ онъ дѣйствуетъ и на самихъ родителей. Земства должны

снабжать школы учебными принадлежностями въ достаточномъ количествѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы учитель могъ пользоваться этими принадлежностями въ указанномъ выше направленіи. Деньги, вырученные отъ продажи вещей, необходимыхъ для „учебы“, употребляются на приобрѣтеніе новыхъ учебныхъ принадлежностей. Этимъ деньгамъ учитель ведетъ точный счетъ. На продажу школьникамъ и вообще грамотнымъ крестьянамъ необходимыхъ учебныхъ вещей нужно смотрѣть не какъ на коммерческое дѣло, а какъ на опытъ постепеннаго приученія деревенскаго люда къ приобрѣтенію предметовъ, необходимыхъ для всякаго грамотнаго человѣка. Поэтому барыши при такой продажѣ отнюдь не должны быть допускаемы. Кромѣ того, всѣмъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ, слѣдуетъ дарить, кромѣ книгъ, и письменныя принадлежности. Въ какой мѣрѣ все это должно быть организовано—вопросъ мѣстныхъ условій; но думаю, что меньше десяти бумага, ручки съ дюжиной перьевъ, карандаша и чернильницы чернилъ ученикамъ ни въ коемъ случаѣ на первое время выдавать нельзя. Все это приблизительно стоитъ копеекъ тридцать. Если-же оставить населеніе безъ предметовъ, необходимыхъ для каждаго грамотнаго, если не приучить народъ къ приобрѣтенію этихъ предметовъ еще со школьной скамьи, то всякія другія мѣры, принимаемыя противъ рецидивизма безграмотности, окажутся мало дѣйствительными. Грамотный человѣкъ, лишенный необходимыхъ ему учебныхъ принадлежностей, напоминаетъ плотника безъ топора, который въ концѣ-концовъ такъ-же разучивается плотничать, какъ питомецъ земской школы читать и писать. Словомъ, если хотите, чтобы народъ не шелъ вспять, не возвращался въ „первобытное состояніе“, не былъ „рецидивистомъ безграмотности“, дайте этому народу все, что требуется для грамотнаго.

XI.

Мой отвѣтъ г. Ивану Михееву.

Г. Михеевъ въ июньской книгѣ уважаемаго журнала „Русская Школа“ (за 1900 г.) помѣстилъ статью, въ которой разбираетъ предложенный мною планъ веденія занятій въ вотскихъ школахъ. Кромѣ того, въ его статьѣ много открытій и откровеній, на которыхъ я позволю себѣ остановить вниманіе читателя. Такъ, онъ заявляетъ, что профессоръ этнографіи при Казанскомъ университетѣ, г. Смирновъ, авторъ капитальной (хотя-бы по мнѣнію другого изслѣдователя вотяковъ г. Богаевского, расходящагося съ нимъ во взглядахъ по существеннымъ вопросамъ вотской жизни) монографіи „Вотяки“, „плохой знатокъ вотяковъ“, который „писалъ о вотякахъ, не зная вотскаго языка и не понимая сущности вотской религіозной жизни“, „что вятскій русскій мужикъ своимъ религіозно-нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ ни чуть не выше, а въ иныхъ мѣстахъ даже и ниже вотяковъ“, „что русскіе учителя во всѣхъ отношеніяхъ ставятъ вотяковъ ниже себя и часто относятся къ нимъ презрительно“, „что русскій вятскій мужикъ вотяку ничего добраго не можетъ передать“, что „русскій учитель, научивъ своихъ учениковъ чему-нибудь и какъ-нибудь, выпуститъ ихъ изъ школы—и довольно: отзвонилъ-де свой урокъ и долой съ колокольни“, что онъ, г. Михеевъ, знаетъ русскихъ учителей, священниковъ и псаломщиковъ, которые уже не одинъ, а болѣе десятка лѣтъ живутъ среди вотяковъ, однако вотскому языку еще не научились (не научились, значить, не было въ этомъ необходимости, прибавлю я отъ себя), что г. Дидо (т.-е. я), выписывая искаженныя русскія слова, вошедшія въ

бѣдный, не жизнеспособный, вотскій языкъ, „восхищается“ этими искаженіями, что оный-же г. Дидо—пристрастный критикъ, потому что упускаетъ изъ виду обстоятельства, которыхъ не имѣлъ въ виду, что тотъ-же самый г. Дидо, никогда не претендовавшій на званіе знатока вотскаго языка, въ одно и то-же время и не знаетъ, и мало знаетъ языкъ вотяковъ, потому что усталый наборщикъ набралъ въ приводимыхъ Дидо вотскихъ словахъ вмѣсто одной буквы другую,—и многое въ этомъ-же родѣ. Многое изъ того, что я выписалъ изъ статьи г. Ив. Михеева, объясняется тѣмъ, что г. Михеевъ слишкомъ невнимательно отнесся къ моей статьѣ. Если-бы г. Михеевъ отнесся къ моей статьѣ съ большимъ вниманіемъ, то онъ не упустилъ-бы изъ виду того, что въ каждой книгѣ возможны опечатки. Были эти опечатки и въ моей мартовской статьѣ. Такъ, вмѣсто кылдычинь (или кылдысинь по другому написанію) усталый наборщикъ набралъ кылдыгинь. И если-бы г. Михеевъ былъ болѣе внимательнымъ читателемъ, то онъ-бы изъ сличенія ошибочно набраннаго „Кылдыгинь“ со словомъ Кылдысинь (изображеннымъ такъ-же, какъ изображаетъ это слово самъ г. Михеевъ) въ цитатѣ изъ книги проф. Смирнова, убѣдился, что у меня опечатка. Далѣе. Убѣдился-бы г. Ив. Михеевъ, что въ моей статьѣ есть опечатки, и тѣмъ, если-бы потрудился взять въ руки или монографію г. Смирнова, или книгу о. Блинова, гдѣ приводится цитата изъ Смирнова и гдѣ вмѣсто неправильно набраннаго въ моей статьѣ „кваль“, слова, дѣйствительно въ вотскомъ языкѣ не существующаго, стоитъ „Квазь“ (небо), слово, имѣющее смыслъ. Слово „Куньмурто“ (Троица) (а не кунь-мурт“, какъ будто-бы я пишу по словамъ г. Михеева) заимствовано мной изъ книги г. Верещагина (тоже, если не ошибаюсь, вотяка) „Остатки язычества у вотяковъ“,

гдѣ (если не измѣняетъ мнѣ память, такъ какъ книги подѣ руками нѣтъ) на 61-й страницѣ говорится, приблизительно, вотъ что (авторъ сближаетъ индусское trimurti съ вотскимъ Куньмурто): „и по вотски Троицу нельзя перевести иначе какъ Куньмурто. Переводъ-же слова кылдычинь (или кылдысинь)—рождающееся (кылдыс) небо (инь) сдѣланъ для меня въ письмѣ вотякомъ учителемъ (если Ив. Михееву нуженъ адресъ и письмо, я могу сообщить первый и передать второе черезъ почтенную редакцію „Русской Школы“, если она согласится взять на себя посредничество) и, смѣю думать, сдѣлалъ правильно, такъ какъ на такой переводъ есть указанія въ литературѣ. Потомъ, я имѣю больше основанія довѣрять специалистамъ этнографамъ, чѣмъ вотяку Ив. Михееву, и утверждаю, что слово кылдысинь никакъ не выражаетъ того понятія, которое выражается перешедшимъ съ греческаго въ русскій языкъ „ангелъ“. Ужъ одно то обстоятельство, что въ богатомъ славянскомъ языкѣ не нашлось вполне соответствующаго слова греческому ἄγγελος, а въ вотскомъ находится, должно заставить призадуматься надъ вѣрностью ни на чемъ не основанныхъ заявленій Ив. Михеева. Кылдычинь или кылчинь одно изъ названий вотскихъ божествъ. Кылчиней нѣсколько. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Му-Кылчинь, Нянь-Кылчинь, Пыдо-Кылчинь; и самъ вотскій Иньмаръ часто зовется бадзымъ Иньмаръ-Кыльчинь. Кылдысини это покровители стадъ, хлѣбовъ и прочаго добра земледѣльческаго народа *). Я не смѣю распространяться на страницахъ педагогическаго журнала объ этнографическихъ вопросахъ и предлагаю г. Ивану Михееву

*) О кылчиняхъ см. у Блинова «Языческій культъ вотяговъ», стр. 30, 33 и passim; Богаевскій «Мултаское моленіе вотяговъ въ свѣтъ этнографическихъ данныхъ», стр. 27.

этотъ чисто спеціальный споръ перенести и на страницы спеціального журнала, при чемъ, если тонъ его статей будетъ болѣе корректный, я не откажусь отвѣчать. Мало быть вотякомъ, чтобы судить о правильности переводовъ съ вотскаго на русскій. Для этого нужно понимать *духъ* каждаго переводимаго слова и *духъ* соответствующаго ему русскаго слова. Нужно прекрасно понимать не только вотскія, но и русскія слова. Я вникалъ въ тѣ слова, которыя помѣстилъ въ мартовской статьѣ, и нахожу, что, принявъ во вниманіе скудость и конкретность вотскаго языка, я правильно истолковалъ и слово „лул“, которое имѣетъ, если можно такъ выразиться, гораздо болѣе конкретный смыслъ, чѣмъ отвлеченныя русскія слова „духъ“ и „душа“, что видно хотя-бы изъ комбинаціи „Луль-виръ“—„душа-кровь“ по толкованію Блинова и „жизнь-кровь“ по моему крайнему разумѣнію. Настаиваю я и на своемъ толкованіи глагола луыны (жить, быть). Слово „живой“ по вотски дѣйствительно „луло“ (отъ корня лу; отъ того-же корня, что и глаголь луыны и существительное лул), и я ошибочно написалъ луо (песокъ), и въ этой ошибкѣ извиняюсь передъ читателями-специалистами. Итакъ, мнѣ кажется, что г. Иванъ Михеевъ указалъ только одну ошибку въ приводимыхъ мною вотскихъ словахъ, и отсюда слишкомъ далеко до заявленія, „что у г. Дидо что ни слово, то ошибка, что ни выраженіе, то неправильное толкованіе“. Замѣчу также, что если-бы авторъ принялъ во вниманіе возможность опечатокъ, то не сталъ-бы по поводу неправильно напечатаннаго *квалъ* (вмѣсто *квась*) распространяться о квалѣ, предметѣ, давно и хорошо извѣстномъ для специалистовъ и скучномъ для не специалистовъ.

Что касается до возраженій по существу, то г. Иванъ Михеевъ, желая показать себя знаткомъ вот-

скаго быта и расточая порицанія и г. Смирнову, и Дидо, никогда не претендовавшему на званіе знатока вотскаго языка, и русскимъ учителямъ, и вятскимъ мужичкамъ, не сумѣлъ справиться съ своей задачей. Всему нужно учиться. Чтобы говорить объ этнографическихъ вопросахъ, нужно изучить хоть нѣсколько этнографію; чтобы трактовать лингвистическіе вопросы, нужно знать кое-что изъ лингвистики; чтобы полемизировать правильно, нужно научиться и умѣнью правильно и объективно спорить. Правильно спорить значитъ анализировать шагъ за шагомъ каждое положеніе, каждый доводъ противника, подкрѣпляя свои возраженія не ссылкой на собственный авторитетъ (я вотякъ, я знаю,—какъ это дѣлаетъ г. Михеевъ), а на свидѣтельства объективныя, на авторитеты общепризнанныя. Какъ увидить читатель, г. Михеевъ не опровергъ ни одного изъ намѣченныхъ мною въ мартовской статьѣ тезисовъ. Тезисы эти намѣчены у меня ясно, но для г. Михеева я ихъ обозначу еще рельефнѣе, еще выпуклѣе, размѣстивъ по рубрикамъ за надлежащей нумераціей. Вотъ они—эти тезисы, которые привели меня къ моему „плану“, который въ свой чередъ привелъ въ такое негодованіе моего противника.

Тезисъ I. Народности даже многочисленныя и сильныя, подпадая подъ культурное воздѣйствіе другихъ народностей, усваиваютъ очень много словъ изъ лексикона этихъ народностей. Иллюстрація этой мысли: Россія со времени Петра I по сіе время заимствующая иностранныя слова. Тезисъ этотъ г. Михеевымъ не опровергнутъ.

Тезисъ II. Полудикіе вотяки съ своимъ тощимъ лексикономъ, съ своею неспособностью создавать отвлеченныя понятія и слова для выраженія этихъ понятій, не могутъ развиваться самобытно. Они должны или усвоить русскую культуру со всеми ея достоин-

ствами и недостатками, или погибнуть, вымереть. Таковъ законъ борьбы за существованіе: отдѣльныя слабыя племена, сталкиваясь съ племенами сильными, или ассимилируются, уподобляются, или гибнутъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ перестаютъ существовать, какъ отдѣльныя племена. Этнологія знаетъ много примѣровъ и ассимилиціи (напр., наши карелы, родичи вотяковъ, вполне обрусѣвшіе), и вымиранія (краснокожіе). Тезисъ этотъ г. Михеевымъ оставленъ безъ возраженія.

Тезисъ III. Вотяки желаютъ обрусѣть, и для русскаго народа, по мнѣнію этнографовъ, есть выгода отъ такого обрусѣнія. Слѣдовательно, нужно употребить мѣры къ скорѣйшей ассимиляціи этого слабого племени, которое само по себѣ пойдетъ (и уже идетъ, по мнѣнію мѣстныхъ наблюдателей) по пути къ вымиранію. Противъ этого г. Михеевъ ничего не сказалъ.

Тезисъ IV. Школы могутъ способствовать скорѣйшему обрусѣнію вотяковъ. Для этого необходимо обратить самое серьезное вниманіе на постановку русскаго языка въ вотскихъ школахъ. Два года изъ пяти (по моему плану) должны быть посвящаемы исключительно занятіямъ русскою рѣчью, въ томъ смыслѣ исключительно, чтобы, кромѣ русской рѣчи и изученія краткихъ молитвъ, вотяки не занимались другими учебными предметами. Само собою разумѣется, что безъ нѣкотораго знанія вотскаго языка нельзя учить вотяковъ русскому, такъ какъ придется переводить на русскій языкъ всѣ немногочисленныя, исключительно конкретныя слова тощаго вотскаго лексикона. *Дальнѣйшій* русскій учитель въ годъ въ достаточной степени изучитъ вотскій языкъ (если онъ не захочетъ изучать, его дѣльнымъ назвать уже нельзя) и, какъ русскій, принесетъ большую пользу, чѣмъ свой братъ вотякъ, хотя и не научитъ, быть

можетъ, пѣнію (что и не важно). Всѣ эти положенія г. Михеевъ не опровергнулъ.

Тезисъ V. Мысль переводить священное писаніе на вотскій языкъ должна быть оставлена, какъ безплодная и даже вредная, такъ какъ въ бѣдномъ вотскомъ языкѣ недостаетъ очень многихъ словъ, соотвѣтствующихъ славянскимъ, и эти славянскія слова приходится оставлять безъ перевода, какъ это дѣлается, по словамъ г. Михеева, теперь, или-же переводить словами несоотвѣтствующими, какъ это дѣлалось прежде. Въ первомъ случаѣ получается какая-то странная амальгама, какое-то смѣшеніе двухъ совершенно чуждыхъ языковъ, какая-то абракадабра, во второмъ—путаница, о которой говорятъ этнографы. (Замѣчу, что и поручается важное дѣло перевода, по словамъ Михеева, ученикамъ инородческой семинаріи, людямъ мало культурнымъ и плохо владеющимъ русскою рѣчью). И этотъ тезисъ Михеевымъ не опровергнутъ.

Изъ этихъ тезисовъ вытекаетъ мой „планъ“, которому я, само собой разумѣется, не придаю какого-то обязательнаго значенія, но думаю, что примѣненіе его принесло-бы пользу вотякамъ и скорѣе-бы приобщило ихъ къ великому русскому народу, слившись съ которымъ вотяки спасутся отъ грозящей имъ гибели.

Въ виду того, что г. Иванъ Михеевъ не вникъ въ достаточной степени въ мой „планъ“ и даже извратилъ его, я считаю долгомъ сказать, что я нигдѣ не говорилъ, чтобы ученикъ все усваивалъ безсознательно и механически; я нигдѣ не говорилъ, чтобы въ вотскихъ школахъ вотскій языкъ отвергался совершенно. Напротивъ, мой планъ ведетъ къ сознательному усвоенію всего того, что будетъ проходить въ старшихъ отдѣленіяхъ. Я говорю, что первые два года изъ пяти, необходимыхъ, по моему, для

усвоенія вотяками всего того, что усваивается русскими въ три года, должны быть посвящаемы исключительно занятіямъ русскою рѣчью, въ томъ смыслѣ исключительно, что, кромѣ переводовъ съ живого вотскаго языка на русскій, кромѣ усвоенія русскихъ словъ и оборотовъ, кромѣ упражненія въ правильномъ произношеніи русскихъ словъ, кромѣ изученія азбуки и молитвъ (на славянскомъ языкѣ), вотяки въ эти два года никакими другими учебными предметами не занимаются. Если въ школѣ нѣтъ русскихъ мальчиковъ, понимающихъ по-вотски, *дѣльный* учитель изучаетъ вотскій языкъ при помощи учебниковъ вотскаго языка и при помощи вотяковъ, знающихъ русскій языкъ. Если-же и такихъ вотяковъ, паче чаянія, нѣтъ (случай только теоретически мыслимый, практически-же невозможный), то нужно назначить сюда учителя, знающаго вотскій языкъ. Такой учитель всегда можетъ оказаться. Все же предпочтеніе слѣдуетъ отдавать русскимъ учителямъ, такъ какъ они гораздо культурнѣе вотяковъ и несомнѣнно лучше владеютъ русскою рѣчью. Отдавать предпочтеніе русскимъ не значитъ назначать исключительно русскихъ. Что касается того, что при осуществленіи моего плана будетъ закрытъ доступъ вотякамъ въ инородческія семинаріи, то это возраженіе (съ принципиальной стороны) не важно: когда рѣчь идетъ о спасеніи цѣлаго племени, то отдѣльныя лица должны пожертвовать своими интересами, причемъ, по заявленію самаго Ив. Михеева, интересами не высокаго достоинства. Замѣчу, что русскія учительскія семинаріи и гимназіи, изъ которыхъ за послѣднее время комплектуются учителя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашихъ сѣверо-восточныхъ окраинъ, даютъ учителей гораздо болѣе развитыхъ и подготовленныхъ, нежели инородческія семинаріи, откуда учителя выходятъ сплошь и рядомъ совершенно не-

образованными. Такъ, мой знакомый вотякъ учитель, только благодаря вліянію священника и русскаго учителя, началъ читать Гоголя, котораго на первыхъ порахъ не понималъ. Самъ этотъ учитель жаловался мнѣ на скудость тѣхъ свѣдѣній, которыя вынесъ изъ школы, и я ему вѣрю, такъ какъ онъ часто блистательно подтверждалъ это. Что касается взглядовъ Ив. Михеева на обрусѣніе, то все это старо. Если-бы г. Михеевъ потрудился прочесть монографію „плохого знатока вотяковъ“ проф. Смирнова „Вотяки“, то убѣдился-бы, что, говоря, что обрусѣніе совершается помимо школы, онъ говоритъ нѣчто извѣстное. „Русскій колонистъ (т.-е. вятскій мужикъ)—вотъ кто главный культуртрегеръ въ вотской средѣ, а не священники и учителя“—вотъ что приблизительно говоритъ г. Смирновъ. Если-же-бы г. Михеевъ познакомился съ этнологіей, онъ не сталъ-бы заставлять г. Дидо говорить избитыя истины. Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я упускаю изъ виду, что вотяки, заимствуя слова, перенимаютъ отъ русскихъ многое, чего не слѣдовало-бы перенимать. Я не упустилъ этого изъ виду, а имѣлъ въ виду, что это извѣстно всякому образованному человѣку. Если-же г. Михееву неизвѣстно, то я скажу ему вотъ что: всякое слабое племя, ассимилируясь и сливаясь съ сильнымъ, усваиваетъ на-ряду съ хорошими и дурныя свойства этого сильнаго племени. Это естественно-необходимое слѣдствіе всякой этнической ассимиляціи, и мудрая политика можетъ только уменьшить это зло, но вполне устранить это усвоеніе дурного на-ряду съ хорошимъ внѣ человѣческой воли.